

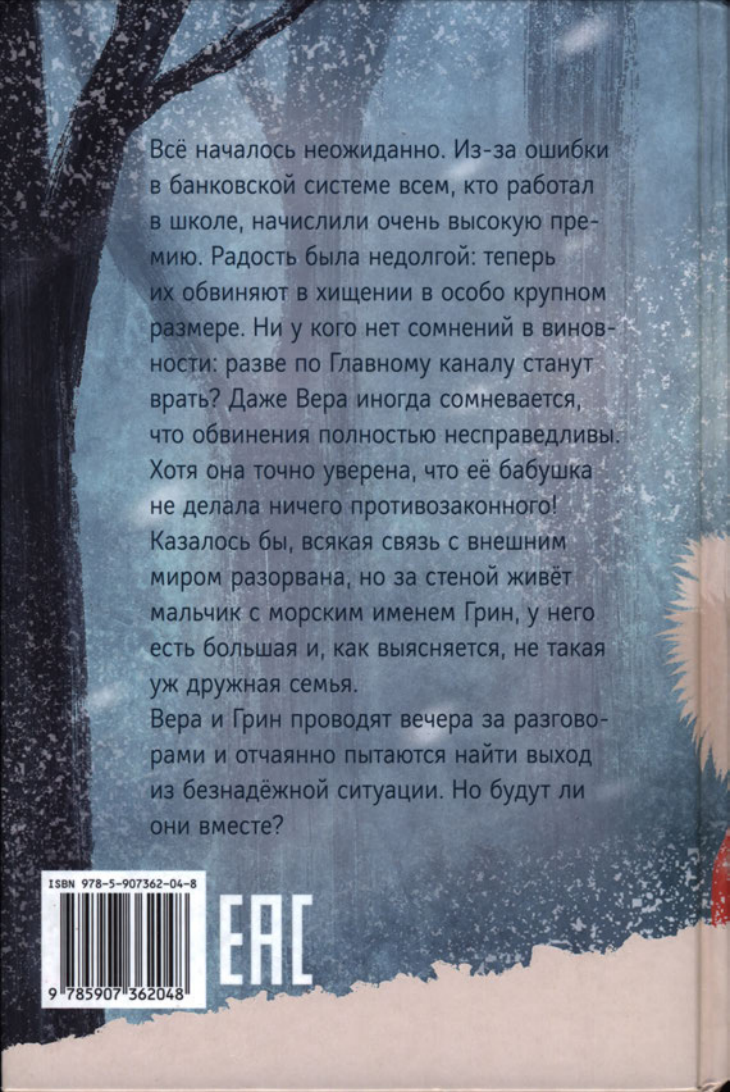
ТИХИЕ ИГРЫ

СОФЬЯ РЕМЕЗ

СОФЬЯ РЕМЕЗ

ТИХИЕ ИГРЫ

Всё началось неожиданно. Из-за ошибки в банковской системе всем, кто работал в школе, начислили очень высокую премию. Радость была недолгой: теперь их обвиняют в хищении в особо крупном размере. Ни у кого нет сомнений в виновности: разве по Главному каналу станут врать? Даже Вера иногда сомневается, что обвинения полностью несправедливы. Хотя она точно уверена, что её бабушка не делала ничего противозаконного! Казалось бы, всякая связь с внешним миром разорвана, но за стеной живёт мальчик с морским именем Грин, у него есть большая и, как выясняется, не такая уж дружная семья. Вера и Грин проводят вечера за разговорами и отчаянно пытаются найти выход из безнадёжной ситуации. Но будут ли они вместе?

ISBN 978-5-907362-04-8

9 785907 362048

ЕАС

СОФЬЯ РЕМЕЗ

ТИХИЕ ИГРЫ

Иллюстрации Татьяны Перовой

Москва • 2020

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Р37

Ремез, Софья.

Р37 Тихие игры : [для сред. и ст. шк. возраста : 12+] /
Софья Ремез ; ил. Татьяны Перовой. — М. : Пять
четвертей, 2020. — 128 с. : ил. — (Искажения).
ISBN 978-5-907362-04-8

Миллионы семей под домашним арестом. Запрет на общение с внешним миром, даже с соседями. Прогулки по расписанию. Дежурящие под дверью охранники. Томительное ожидание судебных процессов. Разве можно было поверить в реальность этих событий всего несколько недель назад?

Но так ли прочны эти преграды для тех, кто хочет, несмотря ни на что, жить полной жизнью? Тринадцатилетняя Вера от скуки начинает подслушивать, что происходит за стенкой, — и неожиданно для себя знакомится со своим соседом. И так же неожиданно они становятся друг для друга самыми близкими людьми.

Софья Ремез — журналист, сценарист и прозаик. Благодаря большому опыту профессиональной работы со словом ей блестяще удаётся и меткая проза для младших школьников, и психологически достоверный young adult.

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Ремез С.О., текст, 2020
© Строкина А.И., текст, 2020
© Оформление.

ISBN 978-5-907362-04-8

ООО «ИД «Пять четвертей», 2020

Памяти Марины К.

ПРОЛОГ

Тихо. Тут всегда тихо. Слышно только, как яблоки с деревьев падают. Тошно уже от этих яблок. Вот если бы ребёнок был... Пат развалился в кресле с интеркубом. Смотрит три шоу одновременно. Всё-таки скучно вдвоём жить. Да и тоскливо. Как же тоскливо!

— Пат! Давай возьмём её к себе! Что девочке пропадать? Ну и наша ситуация...

— Слушай, мы ведь ещё не всё попробовали!

— Всё, Пат, всё попробовали. Говорят, так бывает, просто ничего не помогает. Да и возраст у меня... Даже если что-то получится, не приживётся, я это чувствую. Я не выношу или не рожу.

— Это ведь чужой тебе человек! Да и мне теперь уже чужой, правда.

— Вера — твоя дочь. Не может быть дочь чужим человеком. И она даже похожа на меня немного.

— Столько лет прошло. Ей уже тринадцать. Взрослая. Со своими заморочками! Ты уверена?

— Я уверена! Не могу так жить. У всех дети. Мне даже с соседями поговорить не о чем!

— Мы хотели пожить для себя.

— Пожили уже! Слишком долго жили для себя. Море это, дома одинаковые, работы нет. Мне скучно, Пат.

1/ ГАЛЯ

Если не видишь кого-то достаточно долго, если он не прикасается к тебе и не смотрит, если ты не слышишь гóлоса, всё стирается. В худшем случае он превратится в моего воображаемого друга на ближайшие сто лет.

Насчёт тотального контроля и несвободы. В этом и есть свобода, и защита тоже — в этом. Ты поправляешь волосы, стираешь размазанные под глазами тени — и никто не знает, отчего сбилась причёска или потекли глаза. Свобода оставлять всё личное при себе, выглядеть так, чтобы никому не пришло в голову, что тебе может быть плохо. Пусть завидуют, пусть бесятся. У меня всё хорошо. И пошли все к чёрту. Зеркало — это очень важно. Лишний раз выпрямить спину, расправить плечи, обрести уверенность.

2/ БЕРА

Как же тянется время! Тоска! Ничего не говорят о сроках! У времени нет границ. Как будто тебе дали вечность, пустую вечность. Заполняй время. Бабу́ советует: «Пиши дневник». А о чём писать, если ничего не происходит? Почему никто не говорит о том, что всё это — просто ошибка банковской системы? Раньше ведь жаловались, что зарплаты перечисляют не полностью! Дневник не от-

крывался, не подгружались задания, вот это вот всё! Система зависала, перезагружалась, даже к врачу не запишешься с первого раза. Обычный сбой! А по Главному каналу кричат о хищении в особо крупном размере. Сегодня. Пожилая женщина, вся в морщинах и пигментных пятнах, орала в камеру, сжимая в руках отчаянно вырывающуюся курицу:

— Пока мы тут в деревне из сил выбиваемся, встаём до зари, эти, чистенькие, в своих школах жируют. Сидят в красивых комнатках и языком болтают, разве это работа? — она говорила задыхаясь, брызгая слюной и возбуждаясь всё больше с каждым словом. — И всё им мало! Им подавай наших денег! Честных денег! Выучились за наш счёт!

Был ещё ролик с несколькими мужчинами в костюмах. Они сидели в пустой комнате с серыми стенами. Лица их тоже казались серыми.

— Я занимаюсь честным бизнесом с двадцати лет! Да, я зарабатываю много, но я плачу налоги, я обеспечиваю рабочими местами своих сограждан!

— И я тоже! — поддакнул второй и почесал нос.

— Нельзя обманывать своё государство, — продолжал первый, — мы все живём в едином мире и должны работать честно!

— Должны быть честными!

Все говорят о том, что нужно работать честно. Показали военных, они ползли по земле с оружием в руках, вдруг привставали на локтях и громко так: «Честность — лучшая политика!» Какой-то бред! Моя бабушка — похититель, хакер, аферист века? Смешно! Домашний арест до суда. А когда суд? Никто ничего не говорит! Три месяца сидим дома, выходить нельзя. Охрану приставили. А ведь переселиться должны были. На этой неделе! Бабу не верила, что нас оставят здесь, книги свои старые с полок достала, стопками сложила. В её комнате теперь как в лабиринте. Между стопками ходим. Бабу говорит — читай. Я взяла какие-то стихи, ничего так. На двух языках. Оригинал — и сразу перевод. Только долго их читать невозможно. Скучно. Шоу смотреть противно. Тоже скучно. Без связи невыносимо. Каждый день достаю интеркуб и пытаюсь ловить сеть или хоть какой-то сигнал — ничего. Остаётся только соседа подслушивать. Там у него интересно.

3/ ВЕРА

Вчера приходил психотренер. Задавал вопросы, внимательно так смотрел в глаза. Говорил, нервозность повышена. Ещё сказал, что разрешат прогулки. Потому что члены семей арестованных, особенно дети и подростки, вроде бы ни в чём не виноваты. Хотя на том спасибо.

«У вас сейчас формируется устойчивая психика. Тринадцать лет — непростой возраст, будете гулять, дышать свежим воздухом, и сон наладится». Как же хочется выбраться на улицу! Когда-то прикидывалась больной, чтобы поваляться на диване с интеркубом. Если бы знать, что так будет, я бы не теряла времени на такую ерунду. Я бы гуляла, просто бродила по улицам, шла куда глаза глядят. Я бы весь город обошла ногами, быстрым шагом!

Как все радовались, когда деньги перевели! Бабу в тот злополучный день счастливая пришла, заказала деликатесов всяких, праздник устроила. «Такую премию дали к праздникам! Всем учителям! И даже работникам школьной столовой! Давай тебе платьев накупим?» Вот и накупили.

4/ ГАЛЯ

Ты говорил, что в какой-то момент тебе хотелось остаться со мной совсем. Но это же не так! Ты никогда не говорил об этом прямо. Что стоило рискнуть, даже сразу, в первый же вечер? «Вот, ты мне нравишься, очень, и да, я о тебе ничего не знаю, ты обо мне, и всё-таки давай будем вместе навсегда». И всё. Не знаю, что бы я ответила тогда. Зато я бы знала точно, что нужна тебе. И тогда ты мог бы говорить: «Я тебе предлагал». А я могла бы сожалеть, что

отказалась. Но отказываться было не от чего. Мне нужен был выход — и чтобы меня к нему подвели и вытащили за уши. И не надо говорить, что ты тогда влюбился, — ты даже не проводил меня. Было поздно. Я — обалдевшая после всего, что случилось. Не ожидала от себя такого, было страшно, очень страшно. И да, ты предлагал проводить, я отказалась, просто из вежливости, а ты очень быстро согласился. Вот и всё. К слову о том, чувствуешь или не чувствуешь. Ты думал тогда не обо мне, а о том, чтобы вернуться домой не слишком поздно. Ну да, потому что дома может быть скандал. Но я-то тогда об этом не знала. А если бы знала, что у тебя семья, — вообще бы не стала встречаться. Потому что чужое нельзя.

«А ты ничего не знаешь, ничего не контролируешь и ничем не управляешь. Тольколюбишь производить эффекты. Это диагноз». Так ты обо мне сказал. Ну, всё верно, да.

**5/
ВЕРА**

Не понимаю! Мы же и не собираемся никуда бежать! У бабу всю информацию о собственности и счетах заблокировали. Куда она денется без документов, да она и передвигается еле-еле! Зачем столько охраны?! И меняются, утром и вечером, чтобы мы что? И гуляет теперь с нами. Этот человек-шкаф.

Но всё равно, как хорошо на улице! И как изменилось всё за три месяца. Старые дома так и не снесли. Оставили в них таких, как мы. А какие новые башни выросли! Наши малоэтажки, кирпичные, потрёпанные, блёклые, наводят тоску на фоне светлых высоток из яркого новисребуса. Окна школы не горят, растяжка на фасаде: «Здесь будет мультифункциональный развлекательный центр». Не могут же взять и просто закрыть школы? Ведь работники школ под арестом сидят! Сколько же это может продолжаться? Остальные-то, свободные, у кого будут учиться? Ничего не понимаю! И сколько нас таких? Неужели все школы? Везде?

**6/
ВЕРА**

Смотрела с бабу Главный канал. Шоу о реформе образования. Оказывается, без учителей можно обойтись. Открывают магны — прогрессивные учебные заведения. Новых учителей набрали всего за пару дней. Для преподавания достаточно сдать несложный тест и пройти собеседование с психотренером. Желающих нашлось немало. Усовершенствованной школе учителей требуется меньше, чем традиционной. Уроки сократили до двадцати минут, некоторые предметы вообще убрали из программы за ненужностью. Их заменили беседами с психотренерами.

В школах работало всего два психотренера, в магнах будет не меньше десяти. «При погружении в новую программу от учеников и учителей требуется прежде всего психологическая устойчивость, открытость и вовлекаемость. В будущем занятия планируют заменить тренингами и лечебными беседами». У бабу глаза на мокром месте. Я спрашивала — как же так? А она только: «Всё образуется, надо подождать, всё решится».

**7/
БЕРА**

Решила придумать себе распорядок дня. Если нет плана, время тянется, как жвачка безвкусная. Раньше, когда была школа, ничего ведь не успевала. Надо вставать рано. Книжки читать, уроки делать. В интеркуб же всё закачано, вряд ли стирать будут. И старых бумажных книг у бабу полно. Там ещё всякие пометки карандашом, как в древности. В первые дни как я радовалась, что в школу бежать не надо! Спать можно. Без связи сначала не так плохо было. Даже спокойно — никто не дёргает. Шоу можно смотреть. Только эти шоу все одинаковые. И мерзкие. Мерзкие они. Итак, распорядок дня. Нужно придумать что-то, какое-то дело, чтобы занять время. Вот, например, продукты мы можем заказывать какие угодно. Без ограничений. А у бабу

книги с рецептами. Выберу самые сложные рецепты — буду готовить. Пока буду выбирать — целый день пройдёт. А может, и два. Знать бы, сколько ещё так сидеть! Хорошо бы точно знать!

8/ ВЕРА

Я всё слышу. Он просыпается рано. Сестрёнка младшая будит. «Уже утро, — кричит, — пора вставать». Он ворочается, отгоняет её, потом щекочет, она смеётся, скатывается с кровати на пол. Он встаёт, делает зарядку. Отсчитывает повторы упражнений. Время от времени со стуком опускает гантели на пол. После занятий он уходит куда-то вглубь квартиры. А мне вставать не хочется. Тяну время. Жалко, что я не выпросила себе брата или сестру, когда мама и папа ещё были вместе. Сейчас было бы с кем играть. Его зовут Грин. А сестру — Полина. Кажется, они переехали незадолго до ареста, я их слышала во дворе, мы тогда ещё все свободные были. А до них в этой квартире жила странная тётушка, всё бормотала что-то себе под нос. Я каждое слово слышала, каждый скрип. Я бы сейчас с ума сошла, если бы жильцы не сменились. Жалко, что не познакомились до ареста. Сейчас могли бы болтать. А теперь надо тихонько. Чтобы я его слышала, а он меня — нет.

Решила выписать плюсы и минусы ареста. Как нас учил школьный психотренер. «Любую ситуацию надо разложить на плюсы и минусы». Ну и вот.

Плюсы:

- я никуда не опаздываю;
- я научилась готовить всякие вкусности;
- читаю книги;
- Грин. Там, за стенкой. И на прогулке.

Иногда я вижу его и его семью. Они всегда идут быстрым шагом, стараясь держать темп, заданный Полиной. Их много, они смотрятся как компания приятелей, если бы не охранник, можно было бы решить, что они и не арестованные вовсе. Только старшая сестра немного отстаёт. Высокая, темноволосая, всегда в больших наушниках и никогда не играет с Полей. Грин мне нравится больше. Ему лет тринадцать-четынадцать, но с маленькой Полей ведёт себя как малыш. И Поля никогда не пристаёт к сестре, но играет с братом. Я пытаюсь поймать его взгляд, но он никогда не смотрит в мою сторону. Старшей сестре — лет семнадцать. Наверное, им и под арестом не скучно, есть о чём говорить.

Минусы:

- мне бывает страшно, что повторится то, детское. Когда не хватает воздуха. Когда сте-

ны давят и потолок. Я держу окна приоткрытыми;

— время. Времени нет, оно застыло. Его приходится придумывать заново, заполнять искусственно;

— люди. Мне не хватает разговоров. Ни с кем нельзя поговорить. Только с бабу, но я ведь знаю всё, что она может мне сказать. У парня за стеной есть сёстры, мама и папа. Весёлый смех Полины напоминает о том, что у меня нет никого, с кем можно было бы просто валять дурака;

— скорость. Прогулка с охранником и с бабу — тоскливое шествие в никуда. Один и тот же маршрут, каждый день мы выходим из подъезда, передвигаемся медленно, бабу часто останавливается, тяжело дышит, долго сидит на лавочке. Поворачиваем на дорожку, которая ведёт в парк, и ходим по аллее — сначала в одну сторону, потом в другую, садимся на лавку и негромко разговариваем. Общаться с другими прохожими или гуляющими арестантами не положено. Остаются только запахи, различимые в сыром весеннем воздухе. Прошлогодние листья, свежая трава, талый снег, влажная земля... Земля. Год назад мы с классом нехотя шли убирать территорию школы. Лениво притаскивали грабли и лопаты, окапывали деревья. С каким удовольствием я бы сейчас воткнула лопату в упругую

землю и нажала, освобождая слой за слоем. Глина, песок, торф, мелкие корешки, разбегающиеся разбуженные муравьи... Под землёй просыпается жизнь, за которой так хочется наблюдать.

10/ ВЕРА

Теперь у меня есть расписание. Утром я слушаю, как просыпается сосед за стеной. Когда он уходит в другую комнату, иду завтракать. Потом прогулка. После прогулки — обед. Теперь это целый ритуал. Раньше, давным-давно, я заходила на кухню бегом, перехватывала бутерброд или сладкое и убегала по своим делам. Теперь, когда никаких своих дел у меня нет, кухня превратилась в едва ли не самое интересное место в квартире. Я могу долго сидеть над кулинарной книгой, искать интересные рецепты, не глядя на часы.

Бабу смотрит телешоу. Ей даже нравится, я так думаю. Мне скучно. Я готовлю. Не торопясь. Торопиться некуда. Время экономить не стоит.

Дни больше не летят так, как раньше. Они проходят, тянутся. Поиск рецептов и приготовление еды дают ощущение пользы. Каждый день должен приносить хоть что-то, иначе накатывает тоска. Я накрываю стол клеёнкой, достаю продукты, чищу, режу, тушу, варю, жарю, смешиваю соусы, добавляю

специи, перетираю, посыпаю и запекаю. Первое время бабу помогала и даже рассказывала какие-то интересные истории из своего детства, но теперь она всё чаще включает шоу — собственно, она и не выключает телик. Чужие смех и аплодисменты постоянно звучат в нашей квартире. Раздражающим фоном. Теперь я на кухне одна. Два-три часа по-настоящему занята. Потом я угощаю бабу. Накрываю стол, укладываю вилки, ложки, ножи в точном соответствии со всеми правилами этикета, рассказываю подробно о том, как готовила каждое блюдо. Бабу слушает с интересом и с аппетитом ест. После обеда — уборка. Отмываю посуду, плиту, пол, расставляю всю утварь по местам. Так проходит ещё час.

После уборки заставляю себя спать. Не могу заснуть, просто валяюсь на диване, разглядываю плетёные рисунки на обоях. Прислушиваюсь к звукам за стеной. После четырёх дня там всегда тихо. Скорее всего, Полю укладывают спать и стараются не шуметь, чтобы не потревожить. Что в это время делает Грин? Голоса мамы или старшей сестры никогда не звучат в соседней комнате. Так же как и мужской голос — голос отца. Эта комната — только Грина. И сюда он пускает только младшую.

Хоть бы шелест страниц, или скрип карандаша, или отзвуки музыки из наушников.

Ни-че-го! Но я точно знаю: в это время он тут, рядом. Нужно лежать тихо, чтобы никак не обнаружить своё присутствие за стеной. Иногда я читаю про себя стихи из того сборника, на двух языках. Бабу говорит, стихи надо читать вслух.

Есть в королевстве область,
А в области есть город,
А в городе — квартал.
В нём — улица с укромным,
Уютным переулком,
А в переулке — дворик,
И домик — во дворе.
А в доме этом — спальня,
Где у окна — кроватька,
На ней стоит корзинка...¹

— Эй, кто здесь?

Вера от неожиданности выронила книжку и затихла, замерла.

— Ответь! Я тебя прекрасно слышал! Ну не молчи!

За стеной настойчиво звучал громкий шёпот Грина. Вера растерялась. Ей хотелось ответить, но ведь страшно! Что, если чужие узнают о стене?

Она тихо сползла с кровати и вышла из комнаты, стараясь не производить никаких звуков. В ванной она отдышалась. В груди поднималась неуместная радость. Они

---

¹ Английское народное стихотворение «This is the Key» («Ключи от королевства») в переводе А. Строкиной. (Здесь и далее — примеч. ред.)

могли бы стать друзьями! Могли говорить... Только зачем она ему? У него сёстры.

«Пусть будет как будет, — решила Вера. — Если он больше не позовёт, я сама его звать не стану». Ещё несколько минут она вглядывалась в своё отражение в зеркале. Тонкое белокожее лицо, бледное, будто бы даже зелёное. Высокий лоб, самые обыкновенные глаза, ничего особенного. Цвет какой-то серо-бурий, невыразительный, под скулами — провалы. Она улыбнулась, и на втянутых щеках образовались весёлые ямочки. Она надула щёки и зажмурила глаза, потом помотала головой, будто стряхивая с лица гримасу.

Вера на цыпочках вернулась в комнату и опустилась на диван. Прислушалась. Тишина. Только она подумала, что всё вернулось на круги своя, послышался тот же громкий шёпот:

— Не молчи! Я слышу, что ты вернулась. Не молчи! Давай поговорим!

Вера не отвечала.

— Ну скажи, что у тебя сейчас есть более важные дела...

Вера не удержалась и хихикнула.

— Сдавайся!

— Я тут, — Вера сказала это тихо и неуверенно. Вроде бы почти про себя. Но он услышал.

— Это я и так понимаю. Кто ты? Как тебя зовут? Ты тоже из арестованных?

— Да. Я — Вера. В этом доме никого, кроме арестованных, не осталось.

— Я тебя видел? В подъезде или на прогулке?

— Много раз!

— Но я тебя не знаю, так?
— Мы не знакомы, — Вера чуть повысила голос.
— Я смотрю, ты осмелела, не шепчешь, — Грин всё ещё шептал.

— Меня всё равно никто, кроме тебя, не слышит.
— А почему я тебя так хорошо слышу? Тут же стены каменные!

— Каменные. Все, кроме этой. Кроме этого куска между нами. Там гипсокартон. Долго объяснять.

— Ну время-то у нас есть. Вечность целая, — Грин невесело усмехнулся.

— Ладно, слушай. Это было ещё давно, тогда в вашей квартире жили другие люди. В мою комнату заносили мебель, диван никак не помещался, и отец не придумал ничего лучше... Ну, он продолбил стену, чтобы не возиться с заменой дивана. Соседка даже не заметила. И теперь между нами только тонкая перегородка.

Грин молчал. Вера запаниковала. Что, если он сейчас расскажет своим?

— И давно ты меня подслушиваешь?

Вера замялась.

— Ну ответь, тебе за это ничего не будет, ты же за стенкой всё-таки, хоть и картонной.

— Месяца четыре уже. С тех пор как...

— Как мы под арестом, — понял Грин.

— Ну так ведь скучно!

— Ясное дело! Могла бы и голос подать. Поболтали бы.

Вере стало спокойнее. Значит, закладывать он её не будет, тоже поболтать хочет.

— Я не знала, как ты к этому отнесёшься. И потом, тебе есть с кем болтать!

— Тоже верно, — шепнул Грин. — А почему ты не спрашиваешь, как меня зовут?

— Я знаю.

— А, ну да. Ты же подслушиваешь, — теперь он не шептал, а просто тихо говорил. Так лучше.

— Не в этом дело. Когда вы переехали, я ещё тогда слышала, как тебя Поля звала. На улице, на лестнице...

— Вообще-то это не настоящее моё имя. Это когда-то давно отец придумал. Грин. Потому что я с корабликами любил возиться. А вообще я Женя.

Вера растерялась.

— Грин — из-за «Алых парусов»?

— Ну да.

— Я могу звать тебя Женя!

— Да нет, годится Грин. Ты же, можно сказать, член семьи практически, — Грин хмыкнул.

— Прости, но ведь ты бы тоже на моём месте не удержался!

— Наверняка. Но я бы всё-таки познакомился. Прежде чем начинать подслушивать. Ладно, не важно. Что ты там за стихи читала?

— Это английские. В переводе.

— Ты вообще чем занимаешься?

— В свободное время?

— Тут у нас всё время свободное.

— Нет, у меня свой график.

— Скажите, пожалуйста! И в какое время у тебя подслушивание?

Вера не ответила.

— Ладно, прости, не буду больше.

— Если честно, подслушивание тоже было в графике. Утром и перед сном. Я не могу уснуть, не спится.

— Мне тоже плохо спится. Я думал об этом. Это всё от недостатка впечатлений. Каждый день похож на предыдущий. Ничего не происходит. Поэтому мы не устаём! Поэтому и не спим! У меня своя система.

— Чтобы спать?

— Чтобы уставать! Я стараюсь загружать тело и загружать мозг. По полной программе. Пока не опротивеет.

— Ну, с телом понятно, я слышу гантели каждое утро, а мозг?

— С мозгом то же самое. Задачи решаю. Несколько часов в день, после обеда. И леплю ещё.

— Лепишь?

— Ну да, из пластилина. Не смейся, я как-то с Полькой лепил — развлекал её. И оказалось, что мне самому нравится.

Вера поняла, откуда взялась послеобеденная тишина в комнате Грина.

— А что лепишь?

— Всякое. Дома, мосты. Потом ломаю и снова леплю. Слушай, как здорово, что ты всё-таки обозначилась! Теперь можно будет разговаривать вечерами! Ты не представляешь, как бывает трудно весь день болтать с трёхлетним ребёнком!

— А я бы хотела!

— Что?

— Сестрёнку. У меня никого.

— Сама не понимаешь своего счастья. Мне приходится бесконечно с Полькой болтать. Иначе она затягивает свою песню: «Поигра-а-ай со мной, братик, пожа-а-а-алуйста». И так жалко её! Ей ведь тоже говорить не с кем!

— Да, ей играть с детьми хочется.

— Хочется, ещё как! Она до ареста такая общительная была. Запросто на площадках подходила к незнакомым детям и предлагала дружить!

— Она спрашивала, почему нельзя с другими детьми играть?

— Сто раз! Сто раз в день! До сих пор спрашивает.

— Что отвечаешь?

— Мы с мамой ей говорим, что карантин. Детишки болеют, и она может заразиться.

— Она верит?

— Пока да. Она ведь мелкая.

— У тебя же ещё одна сестра!

— Галка?

— Наверное, я не слышала её имени.

— Галя, другой нет. Ну... С Галкой говорить не о чем!

— Как это?

— А вот так. Я её в свою жизнь не пущу.

— Вы поссорились?

— Нет. Просто мы не дружили никогда.

Вера растерялась. Ей казалось, если у тебя сестра — это же твой лучший друг, который от тебя никуда не денется. Тем более если сидишь под домашним арестом.

— Ладно, давай засыпать! Иначе мы завтра всё проспим. Зарядку, завтрак... Подслушивание твоё.

Вера улыбнулась.

— Давай.

— Вы гулять в какое время ходите?

— Выходим в час пятнадцать. И до трёх пятнадцати.

— Мы — ровно в час.

— Я в курсе.

— Ну да, точно.

— Значит, в парке?

— Как я тебя узнаю?

— Я в синем дождевике выйду.

— А если дождя не будет?

— Всё равно в нём. Он и от ветра защищает.

— Не холодно тебе?

— Я под дождевик надеваю толстый свитер. Всё-таки весна! Не хочется куртку.

— Понимаю. Ну что, спим?

— Спим.

Вере хотелось предложить поболтать вот так же и завтра, но она промолчала.

— Спокойной ночи, — прошептала Вера.

— И тебе.

Грин замолчал и заворочался, видимо, устраивался поудобнее. Прошла минута, две, пять. Вера лежала на спине, боясь пошевелиться.

— Завтра в то же время? — вдруг раздался голос Грина из-за стены.

— Да! — она улыбнулась и счастливо зажмурилась.

Она ликовала, хотелось петь, танцевать и скакать по комнате, но стоило повернуться на бок и закрыть глаза — и уснула. Так же легко, как засыпала каждый вечер тогда, ещё до ареста.

11/ ГРИН

Я ведь знал, что там, за стеной, кто-то есть. Чувствовал. Вот и не верь после этого в интуицию! Как же соседка выглядит? Невнимательность всё. Наверняка я её видел! Ни одного лица не помню. Всё Поля, только успевай за ней гоняться. А если она, эта странная девочка со срывающимся голосом, не наденет дождевик? Снег сыплет... Надо было больше выяснить! Какие у неё глаза, какие волосы. А то, кроме этого дождевика, — никаких примет! Пройдёт и не узнает! Ну кто в такую погоду выйдет гулять в дождевике? Да её родители не выпустят! Родители... Я даже не спросил, с кем она живёт! С кем выходит на прогулку! «У меня никого», — так она сказала. Значит, братьев-сестёр нет. И это всё, что мне известно. Ну что за ерунда! Не надо глупой паники. Соседка никуда не исчезнет. Когда все уснут, она снова будет здесь. Даже если сегодня я её не увижу, увижу завтра. Времени-то полно. И всё-таки хочется сегодня. Тогда вечером я уже буду знать, какая она! Почему-то это кажется ужасно важным.

12/ ГАЛЯ

При желании во всём можно найти ответ. Вот если не можешь на что-то решиться — открываешь книгу наугад, тыкаешь вслепую

пальцем и читаешь, и делаешь выводы, чаще всего — неправильные. Надёжнее — кинуть монетку. Тут только «да» или «нет».

Грин помог маме одеть вертявую Полю и постучал по входной двери. Знак для охранника, который сидит за дверью в кресле. Знак, что они готовы выходить. Охранник дождался, пока секундная стрелка часов завершит круг, и открыл дверь ровно в тринадцать часов.

— Ты с ума сошла! Посмотри в окно! Надень пуховик! — бабушка не собиралась выпускать Веру гулять в дождевике.

— Бабуль, я три свитера надела!

— Да хоть четыре! Ты видишь, как ветки гнутся! Там настоящий ураган.

— Я уже оделась!

— Значит, переоденься! Мы же не сможем вернуться раньше! За два часа ты в таком виде схватишь воспаление лёгких.

— Не схвачу! И потом, даже если так... Воспаление давным-давно лечат одним уколом!

— Лечат... — бабушка помрачнела ещё больше. — Ты была, как умерла твоя мать?

— Я действительно очень тепло оделась, бабуль! Шерстяные колготки, термобельё!

— Что за глупое упрямство! Не спорь со мной, просто надень куртку! И скажи спасибо, что я не настаиваю на лыжном костюме.

Стало ясно, что бабушка не уступит. В тринадцать часов пятнадцать минут постучали в дверь.

Бабушка устало опустилась на ближайшую скамейку.

— Ты не замёрзла?

— Нет, — Вера ещё злилась за то, что ей пришлось переодеваться перед выходом.

— Ты упрямая стала! Видимо, это всё переходный возраст, — вздохнула бабушка. — Не сердись. Я волнуюсь за тебя.

— Ничего. Вообще-то и правда не жарко, — смягчилась Вера.

Охраннику тоже пришлось присесть. Он медленно достал сигарету.

— Не курите, пожалуйста, при ребёнке, — вежливо, но твёрдо попросила бабушка.

— Извините, — охранник посмотрел насмешливо и прикурил. Бабушка шумно вздохнула и сжала губы.

13/ ГАЛЯ

Ненавижу прогулки. Так хочется с кем-то поговорить. Хотя бы с Грином. Ему хватает общения с Полиной, со мной только грызётся. Или это я с ним грызусь...

14/ ВЕРА

Пока спускались по лестнице, выходили из подъезда и двигались в сторону парка в бабушкином темпе, я прикрывала ладонью

глаза, чтобы от мокрого снега не растеклась тушь. Накраситься с непривычки удалось аж с пятого раза. Тушь старая, в число покупок первой необходимости не входит, да и раньше не было в такой покупке необходимости никакой. Упаковка валялась года два, кто-то из подружек забыл. Где сейчас эти подружки? У Тины мама в школе работала, значит, они тоже где-то в одном из соседних домов. Об остальных ничего не узнать, без связи, без сети. В первые месяцы не было прогулок, наверное, всех свободных тогда и переселили в башни. Наверное, теперь это не важно.

Я всё переживала, почему не подумала о каких-то ещё приметах. Например, про обувь! Или могла бы надеть яркий шарф. Он ведь даже не знал, с кем я хожу гулять! А бабушка заставила надеть шапку. Это после того, как я целый час провозилась в ванной с феном. В шапке и куртке, под снежными хлопьями, от которых приходилось всё время закрываться ладонью, я бы и сама себя не узнала. А он узнал.

Поля шла чуть впереди, она почти бежала, подпрыгивая и крутясь на месте.

— Давай кто быстрее! — услышала Вера звонкий детский голосок.

— Давай лучше кто медленнее.

Это был голос Грина. Он был совсем рядом, он шёл навстречу и замедлил шаг. Приставил ладонь козырьком ко лбу и посмотрел ей прямо в лицо. Нужно было что-то сделать, подать знак, но останавливаться нельзя. Не успев придумать ничего умнее, Вера потянулась к шапке, стянула её с головы и встряхнула, сбрасывая снег. Грин продолжал смотреть, пока это было возможно. Ещё мгновение — и они уже шли в разные стороны. Вера обернулась, надеясь, что обернётся и Грин. Но обернулась только Галка. Она насмешливо глянула Вере в глаза и отвернулась.

15/ ВЕРА

А потом была эта унылая скамейка. И охранник со своим куревом. А бабу всё пытается меня от чего-то уберечь. Когда-то сигареты продавались открыто, в разноцветных пачках со страшными надписями, а потом исчезли. И всё-таки где-то он их достаёт. А ведь ему тоже скучно! У него, наверное, уже всё тело затекло. Сидит под дверью с шести утра, смена у него до обеда. И прогулка тоже испорчена сидением. Заставлять арестованных ходить нельзя. Мы имеем право на два часа в сутки побыть на улице, в зоне парка; его задача — следить за тем, чтобы семьи не общались с другими арестованными и вели себя в соответствии с инструкцией, а ходим мы, сидим или лежим — это наше личное дело. Главное, чтобы все члены семьи находились

рядом. Я смотрела на охранника, и мне его было жалко. Ни за что бы не выбрала такую работу. И я думала о Грине. И сейчас думаю. Ведь он узнал меня. Точно узнал! А что, если я ему совсем не понравилась? Раньше не замечал — с чего вдруг теперь...

16/ ГАЛЯ

Вик, мне всё больше кажется, что нельзя зависать в этом выдуманном пространстве, где ты вроде и есть, а на самом деле — нет. Как то кино, про которое мы говорили вначале. Женщина, которой на самом деле не существует. Девушка, которой по правде нет. Ты — настоящий, сейчас гуляешь где-нибудь у того холодного озера, в котором отражается всё на свете. Только представь себе рекламу — двухэтажный домик, тихая музыка, свечи, голос за кадром: «Ваш супруг отделился от вас? Он поздно возвращается домой? Верните его к истокам...» Наезд камеры, распахнутое окно, в просторном кресле сижу в какой-нибудь прозрачной ночнушке с пластырем на руке. Голос за кадром: «Я не умею готовить, болтаю всякую чушь, у меня угрюмый брат и мать, которой всё по барабану. Всего три дня со мной — и ваш муж вернётся домой обновлённым, влюблённым в вас». Через годик скопила бы на террамобиль.

— Бабуль, сегодня на обед рататуй, — Вера выкладывала на стол вымытые овощи.

Сегодня всё должно быть как всегда. Нужно протянуть семь-восемь часов. Поля ложится спать в девять. Конечно, засыпает она не сразу, маленькие дети так просто не засыпают. Наверное, мама читает ей книжку, а может быть, и Грин читает. Вера не знала, что у них там происходит. Так или иначе, прежде чем они снова услышат друг друга, Грин должен остаться в комнате один.

Вера не торопилась, сверялась с рецептом и растягивала готовку как могла. Больше часа возилась с одним только соусом: снимала шкурку с помидоров, тушила перцы на медленном огне, не забывая помешивать лопаткой. Резала и раскладывала кружочки баклажанов и кабачков, стараясь повторить раскладку из кулинарной книги. Бабушку даже звать не пришлось, она сама появилась в дверях кухни.

— Как вкусно пахнет!

— Бабу, подожди, нужно ещё накрыть. Я тебя позову.

— Может, тебе помочь?

— Да нет, я справлюсь.

Вера сервировала стол и разложила ароматное рагу по тарелкам. Потом подумала и зажгла свечу. За окном продолжали сыпаться хлопья снега. В комнате светло, но мрачновато. Со свечкой как-то уютнее. Вера позвала бабушку.

— Мы сегодня что-то празднуем?

— Нет. Хотя почему нет? Мы можем позволить себе устроить праздник в любой день, верно?

Бабушка улыбнулась и о чём-то задумалась.

17/ ГРИН

Так хотелось обернуться и рассмотреть, но почему-то не решился. Но сразу понял, что это она. С бабушкой. Конечно, никакого дождевика. Хорошенькая. Худенькая такая. А у меня щёки из-за спины видно. Даже хорошо, что она меня вблизи не видела.

18/ БЕРА

На обед готовила рататуй. Съели по две тарелки. Я вымыла посуду, подмела пол и расставляла всё по местам. Днём решила не спать. Взяла интеркуб на кухню. Идти в комнату не хотелось — вдруг стало стыдно за то, что столько дней подслушивала Грина. Да и подслушивать теперь нет никакого смысла, ведь можно поговорить. Нужно просто дождаться вечера. Делала уроки, хотя это не обязательно. Вроде бы, когда нас примут в магны, — если всё прояснится и нас освободят, — там будет совсем другая программа. Но ничего не проясняется, и я уже месяц занимаюсь. Бабу почти ничего из школьной программы не помнит. Родной язык и математику делать легко, физику — трудно. Там надо бы видео с опытами смотреть, а у меня только учебник. И интернета нет, чтобы разобраться. Но я уже приспособилась, привыкла к тому, что интернета нет. Нужно просто несколько раз перечи-

тать главу учебника, чтобы понять. Смешно, раньше, когда я ходила в школу, никогда так не заморачивалась. Бабу смотрит телевизор. Стемнело. Ещё десять минут — и я проверю, уснула ли.

— Бабуль, ты спишь?

Вера тихо подошла, вынула из бабушкиных расслабленных рук пульт и нажала «выключить». Бабушка не проснулась, только вздохнула во сне. В квартире стало тихо. Старые настенные часы отсчитывали секунды. Вера неслышно вышла и закрыла дверь.

19/ ГРИН

Разглядывал себя в зеркало. Впервые за эти месяцы. Огромный нос, тонкие губы, щёки... Страх один. Щёки отрастил. Такой жирный стал. Надо увеличить нагрузки. Только с лицом всё равно ничего не сделать. Колобок лохматый. Волосы уже до плеч, при желании можно косицу заплетать. Нет такого желания. Надо попросить маму постричь. Была бы машинка — сам бы справился.

Хотелось скорее закрыться в комнате, но Полю не оставишь без сказки на ночь. Я читал, а мама сидела рядом и вязала на спицах. Когда был маленький — нравилась мама со спицами. Что-то в этом было такое родное, домашнее. Сейчас пугает. Вяжет шапки, шарфы,

распускает на клубки, потом снова вяжет. А зима закончилась. Для кого это всё? Галка на маму с презрением глядит. Завалилась на кровать в брюках и рубашке. Мама ей — «Галочка, переоденься в домашнее», а Галка даже с места не двинулась, только наушники поправила.

Тишина, но я знаю, Вера там, за стеной. Как её позвать? А вдруг там её бабушка?

Ключи — от королевства!
Есть в королевстве область,
А в области есть город,
А в городе — квартал...

— Вера!

— Ты один?

— Да! Надо было договориться о чём-то конкретном, а мы вчера не додумались.

— Точно.

— Давай будет так — стук, пауза, ещё два стука и пауза. Он тихо постучал по стене.

— Это «ау» азбукой Морзе.

— Я запомню, — Вера повторила стук. — А откуда ты знаешь азбуку Морзе?

— Да я не всю знаю, только какие-то отдельные штуки. Я в детстве в кораблики играл, говорил же вчера!

— Точно.

— Это ты была? С шапкой?

— Да! Ты прости, мне бабушка не дала в дождевике выйти! А прогнозы погоды я не смотрю.

— Я так и понял. Вообще, как увидел этот снег... Хорошо, что ты догадалась подать знак. Ты красивая.

Вера улыбнулась и закрыла лицо руками.

— Эй, Вера, ты там ещё?

— Да, прости. Спасибо.

— Да не за что! Странно, что я раньше не замечал тебя. Уже три месяца гуляем по одному парку!

— Ага. Ну ведь чтобы что-то заметить, нужно знать, что ищешь.

— Верно. Так ты с бабушкой живёшь?

— С бабушкой.

— А родители?

— Мама умерла.

— А что с ней случилось?

— Она простудилась просто. Или это был грипп.

— Так это же всё лечится парой таблеток! — Грин удивился.

— Ну, я подробностей не знаю. Только знаю, что ей врачи не поверили. Не сбивали температуру, говорили, что организм должен сам справиться. А ей так больно было! Она от болевого шока и умерла. Но это мне бабушка рассказывала, уже потом. А я даже не плакала. Толком не поняла, что произошло. Пока мама была жива, она почти всё время работала, виделись мы с ней только ранним утром. Сейчас я её почти не помню. Только иногда снится что-то...

— А отец?

— Папа далеко живёт, на море. У него своя семья, ещё до маминой смерти уехал.

— На мо-о-оре, — с завистью протянул Грин. — Я бы тоже хотел:

— А я не хочу. Ничего в этом море такого нет.

— Ещё как есть! Может быть, море — это вообще самое лучшее в мире! С детства его люблю. Когда стоишь перед ним — оно огромное, и ты понимаешь, что всё уже устроено как-то. Устроено хорошо, и ничего не надо выдумывать. Вот тебе жизнь — живи и радуйся. И нечего ныть, что всё не так. Всё именно так, как должно быть. Ничего случайного, ничего лишнего. И жалеть не о чем.

— Я всё равно не хочу с чужими жить, с новой папиной женой... И потом, папа мне не предлагал. Это давно было.

— Отказался от тебя?

— Нет, что ты. Он ко мне хорошо относится. Просто он решил, что мне с бабушкой будет лучше.

— Да уж, лучше, — Грин фыркнул.

— Я помню, как папа с бабу шептались. Ну, с бабушкой. Я её «бабу» с детства зову. Они всю ночь на кухне сидели, даже дверь закрыли. А наутро папа поцеловал меня и уехал.

— Как-то это... папа твой...

— Ты зря, никто же не знал, что так получится. Ну, с этим арестом. А бабушка меня любит, она со мной с самого рождения сидела, пока мама была... Пока она работала.

— И не обидно тебе? Что он там, на море, а ты — тут.

— Я не думала об этом, почти не думала. У меня своя жизнь. У него — своя. И он нам помогал. Переводил много денег на счёт. Бабушка ведь была библиотекарем в школе, там зарплата смешная.

— Обхохочешься, ага. А бабушка твоя болеет? Вы так медленно гуляете!

Вера смутилась:

— Нет, не болеет. Точнее... Она же старенькая. Там у неё какие-то тромбы, ей быстро ходить нельзя. Но это нормально, я сама бегать не люблю.

— Я тоже бегать не люблю, но Польша не даёт постоять на месте.

— Ну вот, оба мы не в своём ритме гуляем, — Вера улыбнулась.

Ей хотелось расспросить про семью Грина, но он сменил тему:

— Давай придумаем что-то интересное!

— Например?

— Поиграем во что-нибудь! Ну, в какие-нибудь тихие игры! Это в нашем положении — самое безопасное. Я уже сто лет ни во что не играл! В нормальные игры, — поправился Грин. — С Полей в куклы — да. Она их чаем поит, а я за каждую куклу говорю.

— С Галей не играете?

— Галка взрослая уже. И у неё игры свои. С тараканами в её голове.

— А какие ты знаешь тихие игры?

— Да мало ли! Хоть морской бой!

— А как я узнаю, что ты играешь честно? — спросила Вера.

— Просто поверь. Я играю честно. Иногда нечестно играть не интересно. Вот как у нас с тобой. Ведь мы будем играть не ради победы, а ради самой игры. Если кто-то из нас сжульничает — потеряется весь смысл.

Они взяли по тетрадке в клетку, по карандашу и начали.

— А Грин ночью не выключал лампу.

Он проснулся от тонкого голоса маленькой ябеды. Под подушкой нащупал карандаш. Листочки с кораблями валялись по всей кровати. Видимо, уснул прямо с листком в руках. Играли долго.

В окно влетел луч солнца и подсветил пыль. Грин глядел, как пылинки переливаются и кружатся в воздухе. Снега на улице больше не было. От вчерашних хлопьев ничего не осталось. Собираясь на прогулку, Грин разделил волосы на пробор и пригладил с двух сторон. Потом показал язык своему отражению в зеркале и смешал пробор. В дверь постучали. Он выскочил в прихожую.

Теперь синий дождевик был не нужен — Грин знал, как Вера выглядит. Но в этом дождевике она себе особенно нравилась.

— Бабуль, сколько там градусов?

— Одиннадцать! Вот, иди, как раз сейчас будет прогноз.

Вера без энтузиазма подошла к экрану. Заканчивалось шоу «Утро доброе».

Женщина в зале бурно жестикулировала и возмущённо говорила в микрофон:

— Я не понимаю, почему их кормят бесплатно! Мошенники имеют право заказывать еду и развлекаться за наш счёт! Они должны быть благодарны, что сидят в своих уютных квартирках, а не гниют в тюрьмах, где им самое место!

Ведущий передал микрофон крупному пожилому человеку в зелёной форме, с медалями на груди.

— Понимаете, — успокаивающим низким голосом заговорил человек в форме, — мы же не звери! В семьях мошенников не все были в курсе преступлений, совершённых их матерями, бабушками, отцами, сёстрами... Дети не должны страдать. Они должны хорошо питаться. Знаю, вы спросите: как же сами преступники? Вот что я вам отвечу. Настанет время — и они ответят сполна. Наше правосудие либерально, но мы помним о справедливости. Вы скажете: почему одни преступники сидят в тюрьме, а другие — отдыхают у себя дома? Не работают, получают бесплатное питание, даже персональную охрану? И я отвечу вам: они за всё заплатят! За все услуги, предоставленные нами, они заплатят с процентами!

Зал взорвался аплодисментами. Вера поёжилась.

— Это были «Три вопроса о домашнем аресте» в программе «Утро доброе» на Главном канале. Смотрите Главный канал, будьте с нами!

Ведущий радостно улыбнулся и поднял руку для прощания.

Вера вышла из комнаты, не дождавшись прогноза погоды. Она высунула голову в окно и подставила лицо солнцу. Дождевик и пара свитеров. Сегодня — никакой шапки.

**20/
ВЕРА**

С тех пор как мы познакомились, время летит быстрее. Часами выбираю одежду для прогулок, пробую делать причёски, примеряю шарфики. У бабушки нашла книгу об истории моды.

Платья, конечно, смешные там, зато какие цвета! Вместо иллюстраций в книге — картины всяких знаменитых художников. Бабу говорит, раньше это всё даже в школе проходили. И на экзаменах нужно было угадывать некоторые из этих картин. И знать имена художников. Даже предмет такой был.

Стараюсь придерживаться распорядка дня. Грин делает так же. Он говорит, что иначе мы совсем свихнёмся. Мне иногда хочется бросить всю эту готовку, и уроки, и книжки, и оставить только прогулку и вечерние разговоры. Только страшно — вдруг случится что-то, из-за чего мы больше не сможем говорить друг с другом. Но стараюсь не думать об этом. Привычное расписание — что-то вроде страховки. Он мне нравится. Очень. И я теперь всё время жду вечера. Занятия у нас с ним какие-то детские, но и это уже много. Морской бой, стихи сочиняем по строчке. Грин следит, чтобы мы не болтали дольше чем до двух ночи. «Нельзя нарушать привычный график, иначе не будет сил». Немного обидно. Я могла бы и до утра болтать. А днём спать. Хоть бы и весь день. Сначала боялась, что быстро кончатся темы для разговоров, но дни идут, а темы не заканчиваются. Он всегда что-то придумывает. У него голова — как бабушкина библиотека — забита всякой всячиной. И истории рассказывает из своей жизни.

Только мне иногда кажется, он присочиняет.
Всё он кого-то спасает в этих историях, но всё
равно интересно.

— Сегодня ты была как маркиза де Помпадур!

— Ну что тебя опять не устраивает?

— Скоро я перестану тебя узнавать! Каждый день в новом образе, — усмехнулся он. — Хочешь мне понравиться?

Вера покраснела и молчала. Конечно, ей хотелось понравиться. А он спросил об этом, словно и не догадывался.

— А что, если да?

Теперь замолчал Грин. Он как будто не сразу понял.

— Хорошо, если так! — он ответил даже слишком за-
дорно и поспешил сменить тему. — Знаешь, в квартире
над нами кто-то раньше постоянно на фортепиано играл.
Тренировался часами! Я его уже недели две не слышу. Мо-
жет, арестованных всё-таки выпускают? И они переезжают
в башни? В новые квартиры?

— Не думаю, — Вера поджала губы. — Уже сообщили
бы в новостях. А над вами живёт Алиса из моего класса,
то есть из моего бывшего класса. Она не очень-то любила
музыку.

— Я тоже не очень-то любил с сестрёнкой играть.
Но когда дома сидишь взаперти... Почему бы не полюбить
то, что не любил раньше, чтобы хоть чем-то себя занять?

— Наверное, ты прав, вот я готовить полюбила.

— Ну да, а мама моя — вязать. Только меня это её вязание
немного пугает. Она вяжет, потом распускает — и всё заново.

— А чем она до ареста занималась?

— Она вела кружок рисования в школе.
— А твой папа?
— Отец в участке работал. Бандитов ловил.
— Ничего себе! Как же его закрыли-то?
— За компанию с мамой... Думаю, он на неё за это злит-ся. Они вроде как расходиться собирались, хотя я подробностей не знаю. И всё-таки, почему эта твоя Алиса перестала играть?

— Не моя она! Мы никогда не дружили. Может, перевели куда-то?

— Куда?

— В другое место. Может, суды начались?

— Об этом я тоже подумал. Но вряд ли. Представляешь, нас же очень много! Несколько тысяч! Куда нас перевести? А ты слышишь, что в новостях говорят? Нас они ненавидят! Думают, мы тут как сыр в масле...

— Откуда им знать?

— Им и не нужно ничего знать. Им про нас что угодно могут рассказывать.

— Ну люди же не верят слепо этим сюжетам! У каждого своя голова на плечах! — возмутилась Вера.

— А ты сама много задумывалась до ареста о том, что правда, а что нет?

Вера за стеной молчала.

— Ладно, завтра утром обыск, давай спать.

— Я совсем забыла, завтра же понедельник!

— Именно! Долгожданные гости — интересно, что они у нас ищут каждую неделю?

— Ну как что, сокровища награбленные, — засмеялась Вера. И тут же напряглась. Раньше она не боялась обысков.

Это даже развлекало — наблюдать, как два-три человека тщетно копаются в их вещах, было забавно. Но раньше ей нечего было скрывать. Вера даже не задумывалась о том, что тонкая стена вызовет вопросы. Грин молчал. Кажется, он думал о том же.

— Давай спи. Всё будет хорошо. На прогулке увидимся! В пятницу вечером танцы устроим?

— Как ты собираешься это проверить? — Вера знала, что Грин уже что-то придумал. Он никогда не предлагал того, чего не мог бы реализовать.

— Надо выбрать музыку. У тебя много хранится на диске?

— Достаточно.

— Я в основном музыку в облаке слушал, сейчас жалею, что не качал. Нам нужно составить списки и сверить — если найдутся совпадения в плейлистах, дальше расскажу, что делать.

— Кажется, я догадалась.

— Вот и умница, а теперь спи.

21/ ГРИН

Не могу уснуть. Раньше как-то не боялся этих обысков. Даже смеялся над ними про себя. Ищите-ищите! Ничего не найдёте! А сейчас дневник этот. Без него не могу — привык. Да и избавиться от него уже не успею. Мусор-то охранник проверяет.

22/ ВЕРА

Не могу уснуть, зажгла маленький свет и ходила по комнате, раскладывала вещи. Думала,

куда спрятать дневник. Достала ноутбук, которым не пользовалась уже несколько месяцев, пыльный, как бабулины книги.

Обыск прошёл без инцидентов. Всё как обычно. В восемь утра в дверь постучали, мама, папа, Грин, Поля и Галка были уже одеты и готовы. Дверь открылась, и в коридор прошли мужчина и женщина с серьёзными лицами. Они поздоровались и приступили к обыску, стараясь не сильно нарушать порядок в доме. Если не считать того факта, что они ходили по квартире, не сняв уличной обуви, и оставляли тут и там глину и грязь со своих ботинок, можно сказать, зашли они так, чтобы не доставить жильцам никаких неудобств. Они открывали и проверяли шкафы, ящики, книжные полки, но всё ставили на место. Во время первого обыска, который длился почти целый день, на каждый предмет в квартире наклеили бирки с номерами. Сейчас просто проверяли, нет ли в доме чего-то нового. Чего-то без бирки.

— Мам, а почему они ходят по дому в ботинках?

Грин вздрогнул. Поля стояла на месте, как было положено, но она вертелась на пятках из стороны в сторону. Стоять просто так ей, конечно, было скучно.

— Всё нормально, Поль, мы всё равно планировали сегодня уборку, помнишь?

— Нет, не помню! Мам! Ну скажи им! Ты же нам не разрешаешь!

— Потому что у вас есть тапочки, — нашлась мама.

— А почему у них нет тапочек? — спросила Поля.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — шикнула Галка.

— Мам, почему Галка меня не любит?

Никто не ответил.

— Поль, давай лучше в слова играть. Зонтик. Твоё слово на «к», — Грин прервал паузу.

— Кошка, — улыбнулась Поля.

Мужчина и женщина переглянулись. Мужчина нахмурился.

— Детка, ты за ваш пол не волнуйся. У мамочки твоей полно денег! Купит вам новый пол, — мужчина мрачно смотрел на Полю. — А нам работать надо, ботинки снимать некогда.

— Зачем вы так говорите? — Грину стало обидно за маму. — Суда ещё не было. Сколько раз так оказывалось, что штрафы приходили по ошибке! И признавали же, что это сбой! Никто не доказал, что деньги...

— Нам это обсуждать не положено, — женщина схватила мужчину за локоть. — Не отвлекайся. Дольше провозимся.

23/ ГРИН

Отец просто стоял с безразличным видом. Я готов был крикнуть, ударить его. Мог бы ударить.

Дневник не нашли, но нужно выбрать другое место. Нужно лучше прятать.

24/ ГАЛЯ

Дневник не нашли. Всем наплевать.

Надо как-то научиться терпению. Я всегда стучу первая. Как будто навязываюсь. И всё время думаю о том, что не больно-то я ему нужна. И живётся ему, конечно, веселее, чем мне. И заканчивает разговор всегда он. Следит за временем, как будто в этом есть какой-то смысл. Что изменится, если он проспит свою зарядку? И посоветоваться не с кем! Все эти женские штучки! Девчонки наверняка бы что-то подсказали или хотя бы выслушали. Лора знает, как вертеть парнями. Она и целовалась уже, и вроде ещё что-то. Я не очень верила в её истории, но ведь какие-то из них — точно правда? Только где я — и где Лора. Прошло столько времени, а я по-прежнему проверяю телефон. Вдруг сообщение? Приходится себе напоминать, что так не работает, сообщение не возьмётся из воздуха. А связи нет. И в ближайшее время она вряд ли появится.

Обыск, прогулка, обед, мытьё посуды, уроки... А нужно успеть выписать музыку. Прошлой ночью села составлять список, но так и уснула за столом. До вечера есть ещё несколько часов и несколько папок с музыкой. Нужно переписать на бумагу. Только как мы будем сверять списки? Ведь их не положишь рядом. Возможно, у Грина есть какой-то план.

— Грин, а у вас обыск по всем правилам проводят?

— Ага. По своим уродским правилам. Но стараются не мусорить, хотя мать всё равно после них уборку делает. А у вас?

— У нас всё как-то формально стало.

— Тебе есть что прятать?

— Записи. Там ничего особенного, просто мысли всякие. Ничего такого.

— Дневник ведёшь?

— Нам психотренер рекомендовал. В школе. Если что-то беспокоит, записывать.

— Не люблю психотренеров. У нас в школе каждый второй учитель был и психотренером. По совместительству. Со справкой. Думаю, они специально допподготовку проходят, чтобы больше чуши нести. Потому что если ты просто так чушь несёшь — ты кретин, а если у тебя справка из центра допподготовки есть, то ты уже кретин дипломированный и имеешь право...

— Ну ты зря, мне действительно помогает. Записываешь — и как будто поговорил с кем-то. Ну или... Не знаю.

— Чтобы такой совет дать, не обязательно быть психотренером. Я дневник веду с тех пор, как научился писать.

— А я вот — нет. Возможно, не всем психотренеры нужны, но они правда помогают.

— Помогают тревожных выявлять.

— Тревожные могут быть опасными.

— Ты правда так думаешь?

— Грин, ну это же так и есть!

— Ты больше Главный канал смотри! Скоро пове-
ришь, что бабушка твоя — член преступной группировки...

Вера! Извини, я что-то завёлся. Просто я думаю, ничего плохого в тревожности нет. А те, которые ничего не чувствуют, ни за что не тревожатся... У меня друг был в старой школе, ещё до переезда в этот район. Ему диагноз поставили и в спецшколу перевели. А он просто много смеялся! Вот такой был парень! Прицепится к какой-то ерунде, которая его веселила, и хохочет, а за ним все. Мне ни с кем больше так весело не было. Никогда! Вера! Вер! Ты что молчишь?

— Ну а что тут скажешь?

— Ты совсем-то не молчи. Я ведь не могу понять, обижаешься ты или смеёшься.

— Не обижаюсь я. Но тревожные тоже разные бывают.

— Наверное, ты права. Давай не будем об этом, а то поссоримся ещё, а мириться как? Мы не в том положении, чтобы ссориться.

— Не в том.

— Давай лучше списки сверим.

Сверка списков затянулась. Оказалось, что Грин свой список структурировал очень грамотно. Выписал музыкальные группы и расположил их по алфавиту, а в отдельном списке под названиями групп перечислил все композиции. Верин список был просто перечислением того, что нашлось в её папках. Вера называла исполнителя из своего бестолкового списка, а Грин в своём списке-каталоге искал совпадения. Совпадений не было.

— Мы с тобой, кажется, музыкально несовместимы. Люфт, Гилти Бро — у меня все альбомы есть, а ты даже не слышала о таких!

— Я вообще давно не слушала музыку. Раньше любила — когда в транспорте или на прогулке. На нормальной прогулке, когда одна гуляешь... Кверти, Дуги, Коти Нотти...

— А я хорошо думаю под музыку. Раньше почти всё время в наушниках ходил. Сейчас из-за Польки не надеваю. Она плачет, если я её не слышу. «Никто меня не слышит», — кричит.

— Ладно, давай бросим.

— Нет уж, не бывать такому, чтобы ни одной песни у нас обоих не нашлось! Что там у тебя осталось?

— Безнадёга. Только бабушкины папки.

— Что там?

— Какое-то совсем старьё. Элвис Пресли.

— Элвис!

— Ты его слушаешь?

— Кажется, твоя бабушка мне ближе по духу, чем ты. Ты только не дуйся.

— Да не дуюсь я. Я не обидчивая. Но эта бабушкина музыка — это даже для бабушки старьё. То есть это было старьём уже тогда, когда бабушка была молодой.

— Хорошая музыка не стареет! Сейчас посмотрю... Элвис! У меня всего одна песня! Видимо, потёр, место освобождал. Глупо.

— Какая песня?

— «Blue moon»².

Верин указательный палец побежал по строчкам с названиями песен.

— Есть!

— Не может быть! Бинго! Отличная у тебя бабушка!

---

² Грустная луна (англ.).

- Я эту песню не слушала никогда.
- Вот и послушаешь.
- Быстрая?
- Медленная.
- А как же мы танцевать будем? Ночью ведь нельзя громко включать. Мы даже говорим не в полный голос...
- Значит, не ночью и в наушниках. Нужно только договориться о точном времени. Вот когда у тебя самое скучное время?
- В расписании?
- Ну да. Когда время идёт медленнее всего?
- Знаешь, с тех пор как мы познакомились... время снова быстро идёт. Как раньше.
- Но есть же какие-то скучные часы?
- После обеда, после уроков. Для дневного сна уже поздно...
- Я в это время читаю. Ну да ладно. Завтра устроим вечеринку. Включи эту песню в шесть вечера — годится?
- Страшно.
- Чего ты боишься?
- Вдруг твои увидят, что ты танцуешь?
- Ну и что? Они знают, что я странный. Никто не удивится.
- Ладно. Договорились.
- В шесть!
- А когда песня закончится?
- Тогда и вечеринке конец.

На другой день ровно в шесть часов вечера Вера и Грин нажали на бегунок трека. Грин хорошо помнил эту песню.

Вера слушала её в первый раз. Она закрыла глаза, вышла на середину комнаты и начала переминаться с ноги на ногу в такт музыке.

Blue moon
You knew just what I was there for
You heard me saying a pray for
Someone I really could care for...³

Она знала, что Грин танцует с ней. За тонкой стеной из гипсокартона.

Стук, пауза, ещё два стука и пауза.

— Тут я, тут. Как тебе танцы?

— Отлично. Красивая песня.

— Ещё какая. Наши прабабушки знали толк в музыке.

Ты как?

— Ничего. Слушай, а что, если... — Вера замолчала. Она испугалась того, что собиралась сказать.

— Что?

— Ладно, неважно.

— Говори, раз начала. Хотя я и сам знаю. Ты думаешь, пробить? Я давно об этом думаю. Только как?

— Что, если прорезать? У тебя нет острого канцелярского ножа?

— Нет, у нас и кухонные-то все тупые. Зато дрель есть. Только если мы начнём тут строительные работы

---

³ Грустная луна, // Ты знала, зачем я был там, // Ты слышала, как я молился о том, // Чтобы мне было о ком позаботиться (англ.). Музыка Ричарда Роджерса, слова Лоренца Харта.

производить... Засечь могут. И тогда конец всему. Нужно тихо. Или шумовую завесу сделать. Громкая музыка была бы кстати. Только у нас с тобой одна песня. И Элвис нам тут не помощник. Не перекричит дрель...

— А если гвоздями? Пробить по кругу и выдавить?

— Всё равно шумно будет! Я много уже думал об этом. Знаешь что, там же под бумагой — гипс. И гипс старый, дом-то строили, когда ещё не было всяких современных материалов. А гипс — он...

— Размягчается!

— Именно! Размочить и проковырять. Всё это можно тихо сделать. Я в детстве в студию лепки ходил, работал с гипсом. Можно попробовать водой с лимоном.

Вере не терпелось попытаться. Как это ей в голову не пришло! Просто проковырять отверстие в стене. Тогда можно будет... Хотя бы взять его за руку.

— За руки возьмёмся, — Грин будто прочитал её мысли. — И в глаза друг другу посмотрим. А то я тебя только на бегу вижу.

— Может, я тебе вблизи не понравлюсь...

— Не говори ерунды! Только нужно всё хорошо замаскировать потом. Обои аккуратно снять.

— С моей-то стороны вообще ничего нет — голая стена. Но я придумую, можно просто лист бумаги приспособить или картинку какую-нибудь — никто не заметит, — Вера прижала ладонь к стене.

— А мне придётся аккуратнее с обоями, — Грин постучал пальцем по стене. — Для начала нужно место выбрать. А то если мы начнём размачивать в разных местах... У матери спиц полно — я попробую метку сделать. Завтра

медосмотр, опасно, а послезавтра можно. Днём, во время обеда. Давай часа в четыре. Ты только кастрюлями греми, отвлекай внимание бабушки.

26/ ГАЛЯ

Я как-то очень по-дурацки устроена. На прогулке испугалась собаки. Боюсь собак. Боюсь и не терплю. И все эти «да она сама боится вас больше, чем вы её» — полный бред. Они злые и никчёмные, собаки эти. И малюсенькие, и огромные. Кошку хоть погладить можно, она нежная, но у меня аллергия на кошек, значит, никаких зверей в доме быть не должно. А люди со мной не уживаются. Надо привыкать к одиночеству. Если вдуматься, не так плохо. Там будет видно. Пока тоска.

27/ ГРИН

Прогулка с каждым днём всё тяжелее даётся, теплеет, кто-то бегают себе свободно, а кто-то под охраной ходит. Когда сидишь в квартире, проще думать, что ничего больше нет, что все вот так же сидят, и почти не обидно. А сегодня парни играли в футбол на стадионе. Я не хотел смотреть, но деваться некуда. Они гонялись за мячом, громко кричали и ругались. Представилось на минуту, что это я свободен, — ведь я иду по дороге, а они мечутся внутри закрытой сеткой площадки. Потом они собрались в кучу и что-то обсуждали,

поглядывая на меня. Один засмеялся, остальные подхватили. Я уже не видел их, только за спиной раздавался этот противный гогот.

— Хочешь в мячик? — Польша ласково гладила Грина по руке и, запрокинув голову, силилась поймать его взгляд.

— Не хочу. Если только дома, с тобой. У нас ведь дома отличный мяч есть!

— А с ребятами не хочешь?

— Нет, они чужие. Я с тобой хочу. Ты — своя.

За спиной фыркнула Галя.

— Зачем врать ребёнку?

— Не встревай, я Поле не вру!

— Грин никогда мне не врёт! — поддержала Поля.

— Ну да, конечно, он не врёт, а фантазирует...

— Ты вроде музыку слушала? Вот и слушай.

На детской площадке веселились малыши. Как нестати эта внезапная жара в середине апреля! Грин обошёл Полю справа, стараясь закрыть от сестрёнки площадку, но она уже впилась жадными глазами в самую середину, где вокруг песочницы плотным кругом склонялись над чем-то дети.

— Муравья увидели или жука, ничего особенного, — поспешил объяснить Грин. И тут же пожалел о своих словах. Для Поли муравей — очень даже особенный! Но вряд ли ей позволят возиться в земле. Её дело — идти и вдыхать воздух, насыщаться витамином D. Прогулки арестантов не включали свободные игры.

— Они не болеют! — Полины бровки опасно задрожали.

— Болеют! Просто это издалека не видно!
— Но они играют! У них ничего не болит!
— Болит. Вечерами, когда они приходят домой, у них поднимается температура и болит горло. Очень сильно. Ты же не хочешь болеть?

— Мне всё равно! — в голосе Поли звучало отчаяние. — Пусть я заболею! Я хочу с ними играть!

— Нельзя, малыш! Но я тебе обещаю, когда они выздоровеют, будет можно!

Поля продолжала идти вперёд постоянно оглядываясь. Грин обернулся на Галку. На секунду ему показалось, что ей тоже жалко сестру, но Галка отвела взгляд и начала подёргивать головой в такт своей музыке.

28/ ГРИН

Мать с отцом... Когда я перестал писать «мама»? Они вообще не реагируют на наши с Галкой перепалки. Друг с другом тоже не разговаривают. Вдруг стало заметно, что они почти не общаются между собой. Было так раньше? Не могу вспомнить. Никогда не думал об этом, а сейчас понять не могу. Как? Они хоть и под арестом — но вместе же! Они друг другу — близкие люди, не то что я и Галка. И всё есть, ни голода, ни холода. Мать, кажется, совсем перестала разговаривать. Только с Полей. Да и то... Отец постоянно смотрит шоу. Все подряд. За последние месяцы он здорово поправился. Ест прямо в постели, на прогулку выходит неохотно.

Радуется, когда можно снова залечь в кровать с тарелкой пельменей или наскоро порубленных бутербродов. Вера говорит: «Тебе хорошо, у тебя семья». А что толку? Что есть — что нет. Надо увеличить нагрузку. Сил набраться. Если ничего не могу изменить — хотя бы стану сильнее. Иногда думаю — я всё могу! И что-то придумаю, чтобы всё стало как раньше. И Веру вытащу, и Полю. И даже Галку.

29/ ГАЛЯ

Злюсь и срываю зло на Грине. Понимаю, что глупо, но ничего не могу поделать. Он ходит с таким довольным видом, как будто в его жизни что-то происходит. Мне хочется, чтобы Вик меня нашёл. Просто появился бы здесь, пусть бы он не был потом со мной, но хоть на несколько минут... Такая большая, а в сказки верю. Каково это, Вик? Знать, что где-то живёт такая вот Галка, которая любит тебя? Мне кажется, с этим ещё страшнее жить. Гораздо уютнее согреться мыслью о том, что везде одно и то же. И твоё болото, может быть, приятнее остальных, лягушки квакают чуть мелодичнее, а по весне даже зацветают лилии.

Эх ты. «Эх ты» — миллион раз.

30/ ВЕРА

Ну как так? Неужели он забыл? Просто уснул! Я же слышала гантели! Зачем ему заниматься

днём? Разве эти занятия важнее меня? Или ему со мной скучно стало? Надоело. Никогда больше не буду первой стучать! Дура!

Плановый медосмотр проводил терапевт из ближайшей поликлиники. Он не представлялся и не стучал в дверь. Ему открывал охранник. Сегодня осмотр наложился на прогулку, значит, прогулка отменяется. Вера не увидит Грина. И не получится показаться ему в летнем сарафане. С подведёнными глазами, с новой укладкой. Она не успела смыть косметiku и пошла переодеваться в домашнее. Врач обычно сначала осматривал бабушку, но на этот раз быстро, даже без стука, прошёл в Верину комнату. Вера судорожно закрылась руками — так и не успела переодеться. На ней оставались только бельё и колготки.

— Можешь не одеваться. Присядь.

Вера села на диван. Врач медленно опустился рядом, скользя взглядом по девочке с ног до головы. Положил руку ей на коленку.

— Знаешь, ты уже совсем взрослая, — он потёр седые усы. Вера замерла, кожа покрылась мурашками. Она ждала, что он достанет стетоскоп или что-то запишет в интеркубе, но кубик валялся на столе, а врач просто смотрел на неё не отрываясь. Вера посмотрела на руки врача, поёжилась и покраснела. Руки были огромные, пальцы слегка шевелились, как щупальца осьминога. Стало противно и страшно. Нужно было вскочить или крикнуть, позвать бабушку, но она зажмурилась и будто потеряла дар речи.

Вера боялась открыть глаза. Сидела и молчала, втягивала в себя живот, сжимала руки в кулаки.

— Бабуля! — голос сорвался на хрип, но слово уже прозвучало. Врач отдернул руку. Он суетливо оглянулся и вышел за дверь.

Вера с трудом натянула водолазку и брюки. Руки не слушались. Она прижалась спиной к закрытой двери в комнату и стояла так до тех пор, пока не услышала, как хлопнула входная дверь.

31/ ВЕРА

Мерзкий, мерзкий, мерзкий. Как будто слизень прополз по телу. Рассказать? Только кому? Да и что? Он же ничего плохого не делал? Только смотрел. Но почему так противно? Может, всё-таки... Бабушка только разволнуется, охрана — так они не защищать их должны, а следить, чтобы не сбежали. Грину? Нет. Ему вообще всё равно. А даже если и нет... Ему нельзя говорить. Ему станет противно. Да и что он может сделать? Мне тяжело дышать. И карандаш в руке не держится. Без двадцати четыре. Надо встать. Пойти на кухню. Собрать какую-то еду к обеду. Покормить бабушку. И шуметь кастрюлями. Если это ещё кому-то нужно, кроме меня.

Четыре! Даже две минуты пятого. Вера выхватила из ящика приборы и с грохотом выложила их на стол. Сколько

времени ему нужно, чтобы пробить спицей метку в стене? Почему она не спросила? Вера достала из шкафа чистые сковородки и кастрюли, включила воду и принялась брэнчать ими в раковине, стараясь, чтобы шум был непрерывным.

— Верочка, что-то упало? — в дверях появилась бабушка. — Всё в порядке? Я испугалась!

— Да, всё...

— Ну хорошо, я пойду. Сегодня дебаты! Не хочешь посмотреть?

— Нет, бабуль. Скоро обед. Я позову.

— Ты умница! Вот я никогда не умела вкусно готовить!

Бабушка вернулась к телевизору, а Вера поставила на стол тарелку с бутербродами и на цыпочках пробежала в комнату. Она легла на диван и всмотрелась в стену. На светлой стене чернела еле видная точка — крохотное отверстие от спицы, вошедшей с той стороны. Он не забыл.

— Не видел тебя на прогулке. Заболела?

— Всё нормально, просто медосмотр...

— Ясно. Метку нашла?

— Да. Отличная метка. Только лимонов у нас нет, чтобы гипс размачивать. Но завтра пятница — я закажу. Заодно лимонный пирог приготовлю.

— М-м-м-м! Люблю пироги!

— Если получится... со стеной... дам тебе попробовать какой-нибудь из моих пирогов.

— Было бы неплохо. А то что-то мало радости. Погода хорошая, Польке бы с ребятами играть, а нельзя. И мать

с отцом совсем мрачные стали. Безразличные. Мне раньше казалось, у них всё так дружно, хорошо. В путешествия ездили вдвоём, счастливые фотки в соцсетях постили... А год назад или около того как будто им стало друг с другом скучно.

— Да мне тоже казалось, что у моих всё хорошо, а потом раз — и уже не вместе. И у папы другая жена...

— Понимаешь, мои как-то подчёркнуто всегда были счастливы. Будто хотели кому-то что-то доказать. А сейчас никого нет — связи нет, соцсетей нет... И им вроде бы стало совсем всё равно. Хотя у них всегда было что-то, что их разделяло. Папа раньше из-за всякого барахла переживал. Старался, чтобы у него всё было самое дорогое, ну, насколько денег хватало. Интеркуб последней модели, ноут, экран... Чтобы у меня, у Галки, у Полины кроссовки были какой-нибудь известной марки. Он всегда много телек смотрел. Маму это раздражало, она на рекламе всегда звук выключала, а он злился.

— Думаешь, телек может на что-то повлиять?

— Не знаю, но помню, была такая реклама: «Купи кроссовки "Трутти", почувствуй себя особенным, не экономь на себе». Так вот папа эти кроссовки купил и себе, и мне, и Галке — через месяц после того, как реклама появилась. Он бы и Польке купил, только эти «Трутти» для малышей обувь не производили.

— Думаешь, он правда поверил, что кроссовки могут сделать его особенным?

— Наверняка. Он когда-то хотел стать путешественником — плавать на кораблях и изучать всякие острова. А стал... кем стал. Потому что путешествиями денег много

не зарабатываешь. Он и мне раньше всё твердил про стабильность, про нормальную работу.

— Вот у нас теперь стабильность...

— Понимаешь, он ведь правда много зарабатывал. Думаю, он на маму злится. Из-за этого ареста. Это ведь ей на счёт пришли деньги. А они нам даже не нужны были! То есть у нас и так денег было полно!

— А Галя? Почему вы... — Вера не знала, как закончить этот вопрос.

— Почему мы не общаемся? Она меня терпеть не может. Ненавидит.

— За что?

— Кто её знает? Иногда я думаю, она даже рада аресту. У неё-то жизнь почти не изменилась! Школу она не любила, друзей не было. Ходила всё время с наушниками, слушала музыку. Так ей и сейчас этого никто не запрещает.

— Но нельзя же вот так просто ненавидеть человека ни за что?

— Ещё как можно. Хотя однажды... она мне жизнь спасла...

— В каком смысле?

— В самом прямом. Мы в лагере были, Польша тогда ещё не родилась, мама и отец нас на всё лето отправляли в лагерь. В пересменок нас не забирали, но и не следил за нами никто особенно. Шатались по пустому лагерю.

— А сколько тебе было?

— Восемь, а Галке одиннадцать. Я тогда ничего не собирался. Ходил в лес, на пруд ходил. А там мостки сгнившие, с дырками. Я туда провалился. Холодно было в воде, я даже крикнуть не мог от ужаса. Галка меня вытащила.

Я сейчас думаю, она приглядывала за мной, иначе как бы она там оказалась? А потом она домой звонила и кричала — не знаю, отцу или матери, — что нечего рожать детей, если на них никогда нет времени.

— А парень у неё есть?

— У неё было полно парней до ареста! Только все одноразовые.

— Думаешь, она уже...

— Давай не будем об этом, — голос Грина прозвучал резко, и он перевёл тему: — Как медосмотр прошёл?

Вера не отвечала.

— Эй, ты не обижайся, просто не хочу про Галку сплетничать. Всё-таки сестра.

— А я про медосмотр не хочу. А почему ты вчера на связь не выходил?

— Отрубился просто. Тренировался, пока сил хватало.

— Ясно. Давай уже спать, — Вера дёрнула зубами ноготь и зажмурилась от боли. Палец ощутимо покалывало.

— Вера!

— Что?

— Дырку в стене делать будем?

— Будем. Когда лимоны привезут.

— Соскучился по тебе! Завтра выйдешь гулять?

— Выйду, — Верин голос смягчился, хотя палец продолжал пульсировать и болеть. — Конечно, выйду.

32/ ГРИН

Гипсокартон оказался хлипким, размочили его с двух сторон вокруг метки и легко и бесшумно проковыряли кухонными ножами.

Вера предлагала сделать дыру в размер головы, но я убедил её оставить отверстие величиной с кулак. Так безопаснее. Сложно оказалось придумать маскировку, повесил туда Полькин рисунок на картонке. Это временно. Теперь мы как будто в одной квартире живём. Так странно. Совсем недавно была чужим человеком, а теперь так близко. Руки у неё смешные, детские такие, холоднящие. Ногти обгрызаны до мяса. На мизинце родинка. Вера.

33/ ВЕРА

А я так боялась его руки! Думала, а вдруг окажется такой же влажной, противной, как у усатого врача. А нет! Тёплые, сухие, большие руки. Я свои не люблю — кожа слезает на ладонях каждый год весной. Выглядит ужасно, как будто какая-то болезнь. И ногти эти. Бабу говорит: «Не грызи ногти, девушка с такими ногтями вызывает только жалость, ничего больше». Ну и ладно. Мы вчера так схватились за руки! Как будто тонем. Когда пришло время заканчивать разговор — закрыла наше окошко диванной подушкой, прижалась крепко-крепко к ней спиной. Уснуть не могу. Пишу.

— Ага! Ногти грызёшь! Вот и Поля тоже. Худышка ты!

— У меня и мама худющая была — видимо, наследственность.

— А у нас наоборот. Но я с этим борюсь. Перерабатываю лишнее в мышцы.

— Упорный какой!

— Мне просто нравится мысль о том, что я каждый день становлюсь чуть сильнее. Если что-то начнётся, я смогу дать сдачи.

— Что начнётся?

— Ты совсем не смотришь телик?

— Нет.

— Ну, нам стали ухудшать условия. Думаю, это начало.

— Как это — ухудшать?

— Сегодня в новостях объявили, что по требованию населения нам, домашним арестованным, больше нельзя будет заказывать что хотим. Только минимальный продуктовый набор.

Вера задержала дыхание.

— Как же? Мы же всё равно на свои деньги это всё покупаем! Ну, как бы в кредит...

— Ну вот, они говорят, если нас осудят, то и денег мы уже не заработаем и отдавать нам будет нечего. Мол, мы питаемся за чужой счёт.

— А что входит в этот набор?

— Ничего вкусного. Я законспектировал — из сладкого только сахар. Отец озверееет без шоколадных батончиков. Для него пожрать — единственное удовольствие.

— Из чего же я готовить буду?

— Из того, что есть. Вообще, это не так страшно!

— Тебе хорошо говорить! А у меня почти половина дня занята выбором, готовкой... Что я буду делать всё это время?

Грин чувствовал, что злится. Как можно так циклиться на еде? Ведь это не самое ценное! Можно книги читать, учиться, да мало ли...

— Я придумаю что-нибудь. Что-то по-настоящему интересное. Важное.

34/

ГАЛЯ

Я не умею говорить хорошее. От меня доброго слова не дождёшься. Даже дежурное «хорошо выглядишь» всегда давалось с трудом. Психотренеры учат говорить комплименты. Заставлять себя. Бывает, очень хочется что-то такое сказать, даже Грину, — и спотыкаешься на каждом слове. Написать проще. Буду писать. Нужно делать то, что получается. Только это и стоит делать. Вот у меня получается создавать себе проблемы — создаю.

35/

ГРИН

Чтобы посмотреть друг на друга через отверстие, каждому нужно лечь на живот и вывернуть голову набок.

Теперь стало легко передавать что-то из одной квартиры в другую. Вера всё время что-то готовит, но это не то же самое, что мамино вязание. В её готовке есть смысл! Она ведь не просто так, она бабушку кормит. И меня вот теперь. Хотел с Полькой поделиться, но не знал, что ответить, если спросит откуда.

Приснился сон — урок географии. Учитель двигает рукой по карте мира и говорит: «Поверьте мне, глубины океана куда более страшны и непонятны, чем женщины». И ещё что-то говорил, не могу вспомнить. А потом один парень шепчет мне на ухо: «Я в детстве мечтал быть капитаном корабля». И я вдруг понимаю, что это мой отец, только молодой, сидит со мной в одном классе. И проснулся.

36/ ВЕРА

Мне иногда кажется, Грин многое придумывает или преувеличивает. Истории у него интересные, смешные, только не всё, что он говорит, — правда. И никогда точно не знаешь, шутит он или всерьёз.

И он никогда ничего не говорит об отношениях. Не предлагает ничего такого... Лора говорила, что девочки развиваются быстрее мальчиков. Видимо, это она и имела в виду. Можно было бы поцеловаться. Я бы поцеловала его, но как узнать, хочет он этого или нет? И это ведь он должен первым предложить? Может, он тоже не знает, хочу ли я этого.

Как это всё сложно! И отвлечься нельзя, всё время об этом думаю. Скучно стало думать о еде и рецептах. Какое-то время пыталась придумывать сложные блюда из простых продуктов, но идеи быстро иссякли.

Приготовила картошку двадцатью разными способами, кажется, я сдаюсь.

— Верочка!

— Что там? — Вера заглянула в комнату. Бабушка, как всегда, сидела на кровати перед экраном.

— Смотри!

Сначала показалось, что бабушка смотрит одно из этих глупых шоу, где предлагали купить какую-нибудь тёрку, обладающую суперсилой, или мойщик окон со встроенной мясорубкой.

— Бабуль, ты же знаешь, я не люблю...

Бабушка обернулась и тревожно посмотрела Вере в глаза.

— Это процесс! Они начали суды!

— Над кем?

— Над нами!

Вера подошла ближе и замерла.

— Мы ведём прямой репортаж из зала суда, где прямо сейчас идёт открытый процесс! — бодро говорила с экрана миловидная ведущая — блондинка с ярко накрашенными губами. — Все мы знаем о том, что наши сограждане обвиняются в заговоре с целью хищения наших с вами средств. Долгие месяцы обвиняемые отдыхают в своих удобных квартирах, вкусно едят, регулярно гуляют и проходят медицинский осмотр. Многие негодуют: как же так? Почему для воров созданы такие прекрасные условия? И всё это — за наши деньги,

деньги налогоплательщиков! На центральных площадях наших городов проходят митинги против жирующих воров. Глава пресс-службы комитета по расследованию особо опасных преступлений сообщил нашей съёмочной группе, что на сбор улик потребовалось время. Он также пояснил, что в нашем гуманном обществе нельзя применять карательные меры к гражданам, чья вина не доказана. Сегодня правда станет очевидной для всех. Вместе с вами мы будем следить за ходом процесса. Я, Алиса Ловко, как и другие честные граждане, возмущена существующим положением вещей. Мы ждём правосудия!

Заиграла музыка, как в заставке какого-нибудь развлекательного шоу вроде «Набей тележку продуктами» или «Красотка месяца». Вера опустилась на кровать и положила свою руку на бабушкину.

На середину зала, как на сцену, вывели кудрявую темноволосую девушку лет двадцати. Зрители в зале заволновались. Почти вплотную к девушке подошёл красивый парень и представился обвинителем.

«Он выглядит как киноактёр, — подумала Вера. — Это что, кино такое?»

— Страна против Мары Реус, — объявил парень и эффектным жестом откинул длинную чёлку со лба. — Мара Реус обвиняется в мошенничестве с целью хищения безналичных средств с государственных счетов.

— Бабуль!

— Тс! Слушай, — шёпотом отозвалась бабушка.

— Мара, вы понимаете, что такое кража? — обвинитель обращался к девушке, улыбаясь во весь рот.

- Да, — Мара неуверенно огляделась.
- Вы согласны с тем, что за обман, хищение и присвоение в особо крупном размере нужно отвечать по закону?
- Разумеется, но я...
- Просто отвечайте на мои вопросы. Ваши оправдания мы уже слышали ранее, — на этих словах обвинитель повернулся к залу и усмехнулся, будто сказал что-то забавное. В зале раздались смешки.
- Вы признаёте, что получили на свой банковский счёт более пяти ежемесячных заработных плат единовременно?
- Да, так вышло слу...
- Интересно, за какие заслуги вам выплатили такие деньги? Вы перевыполнили план? Или вытащили кого-то из горящего дома? Вы спасли планету от надвигающейся угрозы?
- Каждое слово обвинителя вызывало взрыв хохота в зале.
- Кем вы, кстати, работали до задержания?
- Я учитель. Учитель физкультуры.
- Учитель физкультуры. Вероятно, вы очень ценный сотрудник.
- В зале почему-то снова засмеялись.
- Так чем же учительница физкультуры заслужила такое поощрение?
- Девушка выглядела ещё более растерянной.
- Это ошибка! Система часто сбоит!
- Верно, Мара! Это большая ошибка! А за ошибки надо платить!
- Зал аплодировал.
- Вы хоть понимаете, что деньги, которые вы получили... Кто-то ведь их потерял! Где-то умер больной,

потому что не нашлось средств на лечение, где-то старик остался без пенсии!

Теперь каждое слово обвинителя вызывало в зале возмущённые вздохи.

Обвинитель продолжал задавать вопросы и сам отвечал на них, провоцируя зал.

— Дайте мне сказать! — отчаянно прокричала Мара.

— Воровка! — крикнул кто-то из зала, и остальные начали скандировать: — Во-ров-ка!

Никто не останавливал крики, не призывал к тишине в зале суда.

Судья спокойно налил воду в стакан и медленно выпил, ожидая, пока крики стихнут сами собой. Наконец он позвонил в колокольчик, и зал затих.

— Простите за этот шум, гражданин судья, — с улыбкой произнёс обвинитель.

— Ничего, я понимаю. Как тут не понять... Думаю, мы готовы объявить приговор. Мара Реус, за доказанное мошенничество и хищение в особо крупном размере суд приговаривает вас к исправительным работам. Срок будет определён в соответствии с суммой, которую вы задолжали государству.

— Но я же не потратила...

— На вашем месте я бы помолчал. Ваш приговор очень мягкий, вы должны быть благодарны суду и государству за гуманность. Итак, вам следует отработать сумму, которую вы присвоили себе нечестным путём. Вы будете работать на стройке подсобным рабочим и получать оплату, которая, в свою очередь, будет покрывать ваши долги. С голоду не умрёте. Вам полагается паёк.

— Но я учитель! Я принесу больше пользы...

— Учителем вы были до того, как стали мошенницей. Вы принесёте гораздо больше пользы государству, выполняя работы по строительному плану. Вы возместите ущерб тем людям, которые из-за вас остались без крыши над головой. И я не собираюсь обсуждать этот приговор. Апелляции не подлежат.

Мара что-то ещё говорила, махала руками, но слова её потонули в аплодисментах и выкриках из зала. Камера вернулась к ведущей с яркими губами.

— Что вы на это скажете? Мне такой приговор кажется слишком мягким, но мы не будем спорить с судьёй, как это делает подсудимая. Напряжённое вышло заседание, не правда ли? Давайте проголосуем. Звоните по номеру семь-пять-шесть, если считаете, что приговор Мары Реус справедлив. Или по номеру семь-пять-восемь, если вы думаете, что судья был слишком мягок к мошеннице!

Снова заиграла музыка, и на экране появились две полосы — красная и зелёная. Над красной было написано: «Справедливо», над зелёной — «Слишком либерально». Зелёная полоска побежала вперёд, счётчик крутил цифры процентов.

Девяносто два процента под зелёной полоской. Восемь — под красной.

Вера повернулась. В очках бабу отражался экран со статистикой.

— Верочка, я не знаю, что сказать...

Не понимаю, что происходит! Ведь у подсудимой должен быть защитник! Кто-то должен представить улики, раз они столько времени искали доказательства! Как же так? Скорее бы поговорить с Грином.

— Галка, что смешного? Чего ты ржёшь?

— Да ничего. Просто смешно. А ты что думал? Нас просто отпустят? И всё будет как раньше?

— А ты хочешь, чтобы маму вот так? — Грин махнул рукой в сторону экрана.

— А ты ещё заплачь.

— Да пошла ты!

— Никуда я не пойду. Дальше этой квартиры и этого проклятого парка нас всё равно не пустят. Ты подумай об этом, братик.

— И откуда в тебе злости столько?

— Ниоткуда. Мне, знаешь, и здесь хорошо. Мне никто не нужен. С голоду не перемерём, а даже если и так...

— Маму не жалко тебе?

Галка взглянула на мать, развернулась и ушла в свою комнату.

— Не трать силы, — мамин голос звучал слишком спокойно.

— Почему она ненавидит меня?

— Не ненавидит. Просто... Она мне не хочет простить. Тебя, Польку...

- Но ведь её отец сам ушёл! Мы в этом не виноваты!
- Не виноваты, конечно.
- Пап, ну скажи хоть что-нибудь! Почему ты всё время молчишь? Почему вы с мамой стали как призраки?!
- Глупости не говори. Займись уроками, — отец нажал кнопку на пульте, и по экрану забегали футболисты.

38/ ГАЛЯ

Или ты где-то здесь, в городе? И как-нибудь ты придёшь к нашему дому и я увижу тебя на прогулке? Шум-шум-шум, пустой и бессмысленный, всё, что окружает. Презираю себя за всё это. Пусть что-то произойдёт. Что-то хорошее. И вытянет меня из водоворота. Не могу больше! Отвратное чувство. Понятно, что надо продолжать вести этот дневник. Не потому что я на что-то надеюсь, а просто. Какого чёрта? Это мой дневник. Ну да, он начинался как что-то про тебя, а сейчас это что-то про меня, и без этих корявых фразочек будет совсем жутко. А то, что я иногда скатываюсь на письма воображаемому тебе, — так ведь никто не видит. Каждый сходит с ума как хочет, мне нравится — так.

- Ты видела?
- Да. Грин, думаешь, это всё правда? То есть это не шоу?
- Какое уж тут... И со всеми так будет.
- Но это бред!

— Говори тише, мои не уснули ещё. Бред не бред, а надо выбираться отсюда. Иначе нам крышка. Без улики и доказательств.

— Куда же мы выберемся? Мы тут под охраной сидим! Документы наши заблокированы. Некуда бежать!

— Не бывает так, чтобы некуда совсем. Должен быть выход.

— А если они всё-таки разберутся?

— Кто это — они?

— Люди! Не могут же они все считать, что мы виновны!

— А с чего бы им сомневаться?

— Ну ведь никаких улик... Ничего на этом процессе не было! Они ничего не доказали!

— И что? Вот ты откуда новости узнаёшь?

— От бабушки.

— А она откуда?

— Из телевизора, но ведь это мы! Мы без связи сидим! Нам доступно только это! А другие люди! У них интернет, телефоны, провода, они говорят друг с другом! Обсуждают!

— Не смейся. Лет десять назад наверняка что-то ещё и обсуждали. И были эти, террористические сайты. Мама говорила, ничего в них такого не было. Просто обсуждали люди разные версии. Были такие сайты, куда фото выкладывали, видео, что-то комментировали.

— Знаю. Но их правильно, что закрыли. Там подростков агитировали воровать и подделывать банковские карты!

— Вот откуда ты это всё знаешь?

— Как откуда? Это известно! Потому и закрыли чёрный сектор.

— Всё известно, — Грин хмыкнул. — А сейчас всё про нас известно. Что мы воры. Из того же источника.

— Но это неправда!

— Это ты про себя знаешь, что неправда! Про свою бабушку! А про тех, которые якобы морочили головы подросткам? Ты прямо так уверена?

— Грин, ты хочешь сказать...

— Ага. Враньё это всё. Потому и закрыли чёрный сектор. Чтобы никто не знал ничего.

— Но ведь люди такие есть! Мерзкие! Есть и убийцы!

— Конечно, только их от этого меньше не стало. Ну, оттого что чёрный сектор закрыли. А вот про нас теперь, кроме как из телика, и узнать негде. А сами мы права голоса не имеем.

— Но люди ведь разговаривают! Неужели никто не сомневается?

— Слушай, я как раз об этом думал. Кто сомневаться-то будет? Вот смотри, кого закрыли? Учителей. Но ведь это как раз все те, кто сомневается! Ты в лицо своего охранника посмотри как-нибудь! Думаешь, он хоть раз в своей жизни в чём-нибудь сомневался?

— Ты зря так. Это от профессии не зависит!

— Да разве ж у него профессия? На стуле перед дверью с дубиной сидеть! Или эти, бордюрики! Которые по два раза в год бордюры по всему городу меняют. Ты смотри, они сначала бордюр выкапывают, а потом новый кладут! А этот старый — он даже испачкаться не успевает! Пыль, шум от этой перекладки. И никто из них себя не спрашивает, за каким лешим они этим занимаются.

— Ну им как-то надо зарабатывать!

- Лучше бы они вообще ничего не делали!
- Так нельзя. Все должны работать, это закон.
- Я же не спорю с тобой! Просто хочу сказать: все, кто способен сомневаться, — с нами сидят. Под домашним арестом. А наше слово сейчас — вне закона. Мы никто.
- И что будет?
- Родителей отправят бордюры перекладывать. До пенсии. А нас в магны какие-нибудь сдадут. Или объявят тревожными и начнут лечить.
- Бабушка не сможет бордюры. Она старенькая, у неё тромбы. Она и прогулку еле выдерживает, ради меня только, чтобы я дышала...
- Да плевать они хотели на частные случаи. Это только первые процессы будут по телику крутить. А потом мы исчезнем, и всем только радость — ты же видела, как аплодировали. Не звери ведь, такие же люди, вот как мы с тобой. Вера! Не молчи. Прости, я не хотел тебя напугать. Но выбираться надо!
- Пятый этаж...
- Что?
- Я говорю, у нас пятый этаж!
- Я тебе и не предлагаю из окна прыгать. Нужен план. Для начала нужно кого-то свободного найти. В союзники.
- Как? Нам же нельзя ни с кем общаться!
- Ну к нам же ходят! Охрана, проверяльщики эти, врач, в конце концов.
- Грин, насчёт врача...
- К вам мужчина или женщина ходит?
- Мужчина. Грин, он меня... Я боюсь его. Он так странно себя вёл...

— Приставал? Гадюка! Пользуется положением. Врежь ему, если ещё попробует!

— Я не могу. Я двинуться не могла — так испугалась.

— Я бы ему врезал, только не достать. Вот гад! Я тебя научу! Я на борьбу ходил. Смотри, давай я тебе буду видео записывать. На телефон. И передавать! Там всё просто.

— Грин, ты же меня видел! У меня силы совсем нет!

— Не в силе дело! А в настрое. Врага нужно спокойствием брать! А удар — это только внешнее. Хороший удар может и такая, как ты, сделать. А технику я тебе покажу. Ты только не отлынивай. Занимайся каждое утро. Сила тебе и для другого ещё пригодится.

— Бордюры перекладывать?

— Ну хоть бы и так. Попробуй пока с охраной подружиться.

— Так они же меняются!

— Это неважно. Надо, чтобы хоть кто-то из свободных начал сомневаться. Пока хотя бы так. Время у нас есть. Думаю, времени ещё много.

39/ БЕРА

Он всё чудес ждёт. В сказки верит. Как маленький. Думает подружиться с охранником и сбежать к морю. Смешно. Только если он прав и все думают так же, как эти... зрители. А вдруг и папа тоже так думает? Я всегда верила: если бы случилось что-то действительно ужасное, непоправимое, он спас бы меня. Он там, у моря. Он любит меня, просто ждёт, когда всё это закончится. А что, если

он тоже думает, что бабушка — воровка? Или, чего доброго, считает, что и я участвовала в заговоре? Нет, этого просто не может быть!

— А знаешь, я первое время больше всего боялась, что нас выпускать не будут. У меня что-то вроде клаустрофобии.

— Тревожная, значит?

— Нет, то есть наверное. Но у меня в документах никаких отметок об этом. Я тогда ещё маленькая была, жили с мамой. Пришли какие-то гости с детьми, мы все перезнакомились и в прятки играли. Я в ванной спряталась. Забилась в щель между стеной и баком с грязным бельём. Вдруг потолок начал прямо на голову опускаться и стены как будто сходились. Тесно стало! И воздух пропал. Помню, что дышала часто-часто, а вдохнуть толком не могла. Потом какие-то чёрные точки перед глазами, хотела выбежать из ванной, а сил встать нет. Так и сидела на полу, думала, умираю. Очнулась у мамы на руках, она меня у открытого окна держала и говорила, чтобы я вдохнула глубоко, медленно, — это единственное, что я хорошо помню про маму.

Вера и сейчас помнила мамины прикосновения — как она убирала волосы с Вериного лба, как трогала губами лоб.

— Ну точно, тревожная. И никто не знает? Это же атака! Тебя лечили потом?

— Нет, мама никому не сказала.

— Правильно, а то потом ежедневные сеансы с психами, да и в школу специальную пришлось бы идти. Тревожных все боятся. И лечат. А раньше не лечили. Раньше это был

вариант нормы. А больше не было такого? Ну, чтобы стены на тебя шли?

— Нет, но окна всегда открытыми держим. И вот это отверстие в твою квартиру... Какая-то перспектива появилась. Грин... Ты тоже думаешь, прогулки запретить могут?

— Могут. Не понимаю, зачем им это нужно, но есть в этом для них какой-то смысл.

— Не могу об этом думать.

— Давай и не будем. А то свихнёмся. Что у нас сегодня? Шахматы?

— А что интересного в шахматах? Какая-то древняя игра!

— То-то и оно! Древняя, крутейшая! Ты полюбишь!

40/ ГРИН

Шахматы Вере не очень даются, но она научится. Жалко только, настоящих шахмат нет, а пластилиновые сминаются. Приходится быть осторожным. И на одном поле не сыграешь — всего по два комплекта. Каждый ход — на двух досках. Из-за этого она и путается. Я сказал, что придумаю что-нибудь и что надо выбираться. А если я ничего не смогу? Если ничего не смогу сделать?

41/ ВЕРА

Выучила правила, запомнила, как ходят фигуры, а всё-таки глупая игра. И Грину со мной, кажется, не слишком интересно. Да в эти настолки уже и не играет никто!

Никак не получается просчитать игру на несколько ходов вперёд. Невозможно не съесть фигуру сразу — как удержаться? Грин всё время говорит, что иногда стоит пожертвовать, например, пешкой, чтобы потом сделать какой-нибудь крутой ход. Но ведь такой шанс может и не представиться! А пешка — вот она. Вчера получилось сыграть вничью, я радовалась, а сейчас думаю, он специально подставил ферзя. Боюсь спрашивать, придумал ли он что-нибудь. Когда он держит меня за руку, кажется, он всё может. Хочется обнять его. И чтобы не было этой стены! Только когда всё заканчивается и мы маскируем отверстие в стене с двух сторон, я думаю о том, что он просто фантазёр. И никуда мы отсюда не сбежим. Ни к какому морю.

— За что ты только эти шахматы так любишь?

— Не знаю. Они вечные какие-то. Ещё в шестом веке индусы играли в эту игру. Представь: войны, катастрофы, люди рождаются, умирают, а шахматы живут. И перерождаются. И красивые они! Сами фигуры. У меня была коробка старинная, обитая бархатом изнутри, там все фигуры были деревянные, крупные такие, лакированные...

— А куда она подевалась?

— Коробка? На старой квартире забыли. Потом арест, я об этом не думал, только когда с тобой познакомился — сразу искать начал и понял, что мы их не взяли.

- Да вроде все в электронные шахматы играют...
- Ну это же не то.
- А в интеркубовские игры ты играл?
- Никогда их не любил. С детства как-то не срослось с ними.
- Все же играют, я тоже раньше иногда...
- Так там всё уже нарисовано, придумано. Надеваешь костюм — и попадаешь в другой мир. Только этот мир не тобой создан!
- Там многое можно менять под себя!
- Всё равно не то. Не могу объяснить. Кто-то придумал мир — ты в нём живёшь, этого и в обычной жизни достаточно.
- Так ведь и в шахматах так! Есть правила!
- Правила меня не напрягают, если я могу их понять и принять. Ну вот есть правило — нельзя воровать. И я не краду. Потому что это логично! А вот то, что нам без охраны гулять нельзя, — это глупое правило! Потому что если мы без охраны выйдем — ничего плохого не случится. Если бы все правила были такие, как в шахматах, я бы и не думал их нарушать. Можно ведь быть свободным внутри, понимаешь?
- Ты не прав! В шахматах слишком жёстко всё — вот слон только по диагонали ходить может, король — только на одну клетку, ладья — только по прямой.
- Всё так, но ты-то можешь ходить как хочешь! Потому что в начале игры у тебя все эти фигуры на руках!
- Тебе нравится ими управлять?
- Нет, нравится думать.
- Как будто Вере думать не нравится.

Просто не получается думать о шахматах. Лучше бы он придумал, как выбраться из-под ареста...

— Если тебе не нравится, можем забросить.

— Нет, нормально, давай играть.

42/ ГАЛЯ

Вик, помнишь, я предложила встретиться, а ты испугался. «Опять ты будешь звонить, писать, она будет злиться». И стало ясно, что ты вернулся к точке отсчёта. Да не стану я звонить, и писать не буду, и подставлять тебя. Теперь уж точно. У меня нет связи. Повезло тебе, да? Ты не обманываешь меня или ещё кого-то, только себя. Глупо. Я всего-навсего хотела почувствовать тебя рядом.

— Вера, вам про суперамы сообщили уже?

— Да, только я ничего не поняла. Сказали, завтра придут устанавливать что-то такое.

— Это по твою душу.

— В смысле?

— Суперамы — это автоматы для приготовления еды. Только они ничего не готовят. Я читал о них давным-давно. Была такая разработка для школ и детских садов. Такая будка вроде холодильника. Туда загружают замороженную еду на неделю, программируют на выдачу — аппарат эти полуфабрикаты разогревает и выдаёт в нужное время. Только в школах и садах это дело установить не разрешили. Родители протестовали, мол, эксперименты на детях и всё такое.

— Так нам вот эти автоматы будут ставить?

— Ага. Добро пожаловать в мир новых технологий... Никаких тебе больше хлопот, никаких заказов и готовки. Ешь — и радуйся.

— А что же делать? То есть что делать всё это время, я ведь люблю готовить!

— Придётся другое занятие искать. Эй! Ногти не грызи! Как он только слышит?

— Не могу.

— Не грызла бы — могла бы в свободное время на ногтях картинки рисовать, как Галка. Ладно, хочешь, будешь мне помогать город строить?

— Какой город?

— Из пластилина.

— Это какое-то... детское совсем. В чём смысл?

— А в том... Целый город — весь твой. И ты можешь его придумать как угодно. Вер, я бы хотел, чтобы ты и дальше могла готовить, как тебе нравится. Но давай исходить из того, что есть. У меня есть пластилин. И проект города. И время у нас есть. Пока.

— Столько времени... — Вера была готова заплакать. — Куда его девать?

— Подумай вот о чём — может, всё это хорошо закончится. Для нас. Всех отпустят. И начнётся гонка, школа, уроки, дела всякие. А времени не будет. Я решил, что нужно делать то, на что никогда раньше не было времени. Чтобы было что вспомнить потом.

— А если... Грин, если всё закончится плохо?

— Не должно. Не бывает ничего случайного. Это всё для чего-то нужно. Если честно... я не знаю.

— Ладно, давай строить твой город. Иначе я с ума сойду. Когда мы с тобой — мне не скучно, хорошо. Но ведь это так мало, только вечер.

— Я тебе выдам пластилин. У меня этого пластилина полно — мы заказали целый ящик, пока можно было. Для Польки. Только она лепить не любит. А я теперь люблю. Вот смотри: утром будешь учиться борьбе, а после прогулки — лепить. Всё лучше, чем ничего. И книги можно читать.

43/

ГАЛЯ

Нарядилась в бархатное платье с кружевной спиной. Вызывающее барахло на мне смотрится совсем не пошло, красиво. Я очень редко что-то такое ношу, только если настроение — разнести всё к чертям. Это с детства. Если кто-то обижает, нужно надеть что-то такое, чтобы все сдохли от зависти. Когда ты в образе красотки, легче послать всех к чёрту. В школе я была адским изгоем, не помню, рассказывала или нет. И вот я всё время наряжалась и демонстративно танцевала одна на всех праздниках.

44/

БЕРА

Не ожидала, что могу таким увлечься, но... Мы придумываем! Вместе! План, устройство улиц, домов, какой-то необычный транспорт. Не знала, что в моей голове столько всего! Грин рисует планы, эскизы, чертежи. Как же здорово он рисует! А ведь никогда не учился

рисовать! Станный он. И упрямый, упорный даже. Вроде бы ни для чего этот город не нужен, а он работает над ним так, как если бы от этого что-то важное зависело. Цепляется к мелочам, как будто в этом городе действительно кто-то будет жить. Детские площадки, стадионы, театры под открытым небом, сады, магазинчики, от которых в реальной жизни давно отказались. Не представляю, как это всё построить, но Грин так решительно настроен! Мы больше не говорили о медосмотрах. Но он всё время записывает на мой телефон новые тренировки, приёмы самообороны. Только мне больше нравится просто смотреть на него, чем повторять упражнения. Такой он большой, лохматый, а двигается легко, так красиво дерётся с воображаемым противником. У меня получается неуклюже как-то, я и не верю, что смогла бы ударить кого-то на самом деле. Я просто надеюсь, что сменят врача. Меняют же они охрану.

45/ ГРИН

На Полю теперь на прогулке смотреть жалко — она уже не просится играть с другими детьми. Она что-то такое поняла. Она же умница. «А мне и с тобой весело, Грин, с тобой веселее всего!» Что, если потом что-то случится? Если нас с ней разделят? Она такого даже представить себе не может. Не хочу об этом

думать. Думаю о городе. Мы могли бы все там жить, будь мы ростом с фалангу мизинца.

— Дай руку. Мне просто надо чувствовать, что ты есть.

— Я есть.

— Знаешь, я представляю, как будто ты всё время со мной, не только вечером. И разговариваю с тобой. Иногда думаю, что я всё придумал и у меня диссоциативное расстройство.

— Это было бы удобно. Человеку с такой болезнью, скорее всего, вообще никто не нужен. Только психотренер.

— Интересно, кто тренирует главного психотренера?

— В смысле?

— Ну смотри, у каждого психотренера есть старший психотренер, и у того, старшего, есть свой старший. И у этого старшего... Где-то же все они заканчиваются...

— Не думаю, что заканчиваются. А бабу рассказывала, что раньше тренеры были врачами. То есть они несколько лет учились на врачей, и только после этого можно было лечить и ставить диагнозы. Поэтому их тогда было гораздо меньше, чем сейчас, и было ужасно дорого. А сейчас эти сеансы почти ничего не стоят.

— Всем надо выговориться, так мама считает. У них с папой был тренер по семейным коммуникациям. Им не назначали, мама сама захотела.

— И как, помогло?

— Они никому не помогают. Их задача — снижать тревожность. Вот они и снижают. Лекарства прописывают, пластыри.

- Думаешь, они разлюбили друг друга? Твои родители?
- Я думаю, им друг с другом стало скучно.
- Грин...
- Да?
- А тебе... Тебе когда-нибудь нравился кто-то? У тебя была девушка?
- Нет. То есть нравились, конечно, но я как-то об этом не думал, пока...
- Пока что?
- Ничего. Почему ты спрашиваешь?
- Ты всё ещё держишь меня за руку.
- Тебе неприятно?
- Грин, ты мне нравишься. Очень. Ну что ты молчишь? Я тупая, да?
- Вера, я к тебе отношусь гораздо лучше, чем тебе кажется. Ты не тупая. Ты чудесная и очень красивая, трогательная и нежная.
- Зачем ты так говоришь?
- Затем, что так и есть.
- Но ты меня к себе близко не подпускаешь.
- Слушай, ну а как? Что мы можем сделать? Если между нами стена!
- Да не в стене дело. Мы с тобой говорим, ну... играем.
- А чего бы тебе хотелось?
- Глупый разговор, забей.
- Я бы обнял тебя сейчас. Наверное, нужно сказать, что всё будет хорошо, что мы разрушим стену и... Но я не знаю, Вера! И не хочу тебе врать. Поэтому шахматы, морской бой, город этот. Наш с тобой. Это тоже много. Я всё время кручу всё это в голове. Кручу, кручу —

и откладываю в сторону. Нерешаемое — оно и есть нерешаемое. Пока.

— Я боюсь, Грин. Очень боюсь, что случится что-то, что нас разделит. Обещай не бросать меня здесь.

— Обещаю.

Вера уловила за стеной шуршание и постучала. Время ещё не пришло, ответа не было. Она повторила условный стук. Снова послышался шорох, и диванная подушка откинулась. Вера тихо окликнула Грина. В отверстии показалась рука. Чужая рука, длинные ногти с нарисованными рыбками. Сильно застучало сердце, Вера вжалась в диван и замерла.

— Как интересно, — женский голос прозвучал совсем близко. — Вот, значит, что тут у нас...

Нужно было что-то сказать. «Не грызла бы — могла бы в свободное время на ногтях картинки рисовать, как Галка», — вспомнилось из разговора с Грином. Значит, это его сестра! Что теперь будет? Она узнала. Всё узнала! Как это вышло? Вера ненавидела себя за глупость. Почему она не дождалась вечера? Зачем подала голос? Дура! Дура! Дура! Что, если Галка теперь всё расскажет родителям? «Она меня ненавидит», — так он говорил о сестре.

— Вылезай, я знаю, что ты там. Лучше покажись сама, иначе я прямо сейчас пойду к охране и всё расскажу про этот ваш секретик, — Галка жёстко хмыкнула и просунула руку в отверстие.

Вера отчаянно прокручивала в голове варианты ответа, но, как в шахматах, никак не могла заглянуть вперёд, просчитать дальнейшие действия противника.

— Ну смотри. Я знаю, что ты там. И раздумываю, не сказать ли охране.

— Нет, пожалуйста! Всем плохо будет, — испуганно зашептала Вера.

Галя хмыкнула за стеной, убедившись в том, что соседка до смерти напугана.

— Вот Женечка тихоня... Бабу завёл. Удобно как, — слышался шорох и потом удаляющиеся шаги. Всё стихло. Вера заглянула в отверстие в стене. Картонка с рисунком была на месте. Вера поставила подушку обратно к отверстию и глубоко вдохнула.

— Давайте поужинаем сегодня всей семьёй? — Галкин голос звучал лениво, с издёвкой. — Мам, пап? Грин?

— С чего это вдруг тебе захотелось?

— Да так... соскучилась по братишке. А он не скучает... — Галя торжествующе оглядела комнату. — Не надоело вам пялиться в экран?

— Чего ты хочешь?

— Хочу поменяться с тобой комнатами. У меня клаустрофобия развивается.

— Что за бред? Чем тебе твоя не угодила?

— Из твоей, братишка, два выхода, а из моей только один.

— Ты о чём?

— Хочешь об этом при всех поговорить?

Грин посмотрел Галке прямо в глаза. В них горела одержимость властью, властью над ним. Он догадался.

— Ты была в моей комнате.

— Заглянула, да.

— Что ты там забыла?

— Увидела рисуночек на стене, любопытно стало.

— Давай выйдем, поговорим.

Галя с удовольствием потянулась и зевнула:

— Я устала, такой трудный день.

— Вот и пойдёшь приляг. Я поговорить зайду.

— Говорить не надо. Займись лучше Полиной. Чтобы она мне спать не мешала своими дурными песенками.

Прозвучало как приказ, и Грин подчинился.

— Поль, пойдём в мою комнату. Я тебе пластилиновый домик покажу.

46/

ГАЛЯ

Теперь понятно, почему Грин такой довольный. А я поговорить хотела. Думала, сяду и дождусь. И этот стук. Что они делают ночами? Злость такая! Ненавижу это всё. Шепоточки, поцелуйчики, противно.

47/

ГРИН

Ничего я не могу придумать! Всё, на что я го-
жусь, — игрушки лепить из пластилина.

— Вера, это я!

— Грин, она...

— Говори шёпотом, Поля тут, она уснула.

— Ты знаешь?

— Ага, сестрица моя дурная. Нужно что-то срочно
делать!

— Поговори с ней! Она тебя не сдаст! Всё-таки родная сестра!

— Много ты понимаешь в родных сёстрах! Видела бы ты её довольное лицо! Говорить тут не о чем, нужно, чтобы ей невыгодно было нас сдавать! Что-то есть у тебя? Что-то ценное?

— Книги есть. У бабушки кольца всякие старые, серёжки.

— Всё не то. А если пластыри? Либертин? Элефтериум? Сомниум?

— Я посмотрю в аптечке. У бабушки что-то было.

— Прямо сейчас посмотри!

Вера просеменила на кухню и набрала код на аптечном ящике.

Пластыри дорогие, но продаются свободно. А по показаниям врача даже раздаются бесплатно в аптечных ларьках. Если ты тяжело болеешь или достиг пенсионного возраста — имеешь право мечтать в своё удовольствие. Вера никогда их не клеила, но знала, что многие школьники таскали из домашних аптечек галлюциногенные пластыри. Никакого криминала тут не было. Это раньше, когда бабушка была молодой, такие лекарства назывались наркотиками и были вне закона. Они вызывали привыкание, давали побочные эффекты, от них сходили с ума и умирали. Но химики исправили ошибки и научились делать глюки безвредными.

Спишь, и видишь прекрасные сны, и управляешь этими снами. Можно вернуться в любой момент своей жизни и изменить в нём что хочешь. А можно ничего не менять. Просыпаешься в добром здравии, усталости никакой,

настроение отличное. Пластыри разрешают клеить даже тревожным, которым вообще-то мало что можно.

Вера перебирала банки с лекарствами. Среди обезболивающих и микстур от кашля нашлись две большие упаковки с либерином. Есть! Отлично! Если это то, что нужно Гале...

— Грин, я нашла!

— Сколько там?

Содержимое банки Вера высыпала на одеяло и пересчитала разноцветные пакетики с пластырями.

— Тридцать четыре.

— Отлично. Попробую что-то сделать. Ты не волнуйся, думаю, улажу. Не бойся, слышишь?

— Слышу. Постучишь ночью?

— Всё как обычно. Жди. Всё получится.

48/

ГРИН

Не факт, что получится. Но Галка наверняка захочет. Она такая. И это безвредно. Ничего с ней не случится. Всё будет хорошо. Даже если хорошо не будет — мне всё равно. Главное, чтобы она молчала. Только бы она согласилась.

Галка не откликнулась на стук в дверь. Грин осторожно заглянул. Сестра сидела на кровати, подогнув под себя ноги.

— Давай, расскажи мне про неё. У вас уже что-то было?

— Галь, не надо, давай просто договоримся.

— Ну почему же? Мне интересно. У тебя тут личная жизнь... Очень романтично. Все в заключении, под арестом, а у тебя... Рассказывай!

— Нечего рассказывать. Просто познакомились, болтаем иногда.

— О чём?

— Какая тебе разница!

— Мне скучно. Со мной бы поговорил как-нибудь!

— Да к тебе же не подступишься! Ты не слышишь ничего!

— Может, это потому, что у тебя всегда полно других дел? Даже тут!

Грину показалось, или Галка говорила с обидой? Что она за фрукт, эта Галка? Пытается вызвать чувство вины?

— Я тебе никогда не был нужен! И вот вдруг понадобился.

— Не обманывайся, ты и сейчас мне не нужен.

— Тогда зачем?

— Я так хочу. Хочу, чтобы ты перестал с ней общаться. И я промолчу. Пока промолчу.

— Если ты расскажешь, не только меня накажут. И родителей, и тебя тоже!

— А мне плевать. Мне и без ареста жилось паршиво. Куда хуже-то?

— Бывает и хуже.

— Думаешь, всех убьют за это? Так у нас смертной казни нет. Ну вышлют куда-нибудь или на работы отправят. Поработаешь, братец. Тебе полезно. Я ничего не боюсь. Мне терять нечего.

— А чего ты хочешь? Есть у тебя мечта?

— Нет у меня мечты.

— А глюки? — Грин присел на край кровати и посмотрел Галке в глаза.

— Это для тупых. Зачем мне? — ответила не сразу, значит, задумалась.

— У неё есть. У Веры. Много. Я знаю, тебе раньше они нравились.

— Это ещё до ареста. Тогда мне совсем плохо было. Хотелось сдохнуть. А сейчас — нормально.

Грин выдохнул. Не получается. Как подкупить человека, которому ничего не нужно?

— Я сказала, перестань общаться. Тогда всё будет как раньше.

— Не могу как раньше! Ты пойми, мне одному невыносимо.

— Ты и не один, у тебя Полечка любимая.

— Ты же понимаешь, что... Всё ты понимаешь.

— Конечно, понимаю. Нужно чем-то жертвовать, братец, ради своих любимых. Вот ты любишь эту Веру, значит, желаешь ей добра, так?

— Желаю, — прошептал Грин.

— Вот и забудь про неё, и всем будет счастье.

— Какое счастье? О чём ты?

— Выйди из комнаты. И подумай. Я тебе сутки даю, попрощаться.

— Галь!

— Ты всё слышал, не торгуйся.

Грин захлопнул дверь, упёрся лбом в стену и сжал кулаки. Не понимая, что делает, он снова ворвался в комнату

сестры. Галя с удивлением смотрела в покрасневшее лицо брата.

— Я ненавижу тебя! Ты дрянь, ты никого не любишь, ты... — он сжимал и разжимал руки, чувствовал, как горят щёки. — Я никогда не был тебе нужен! Чёртова неудачница! Ты хочешь, чтобы... чтобы никому!

— Успокойся, — Галин голос звучал тихо и высокомерно. — Не истери, это глупо.

— То, что ты делаешь, — ещё глупее! — Грин схватил с комода первую попавшуюся вещь и треснул об пол со всей силы. Это был Полин кукольный домик. Обломки пластика разлетелись по всей комнате. На шум прибежала Поля.

— Грин! Это Галя разбила? Почему она...

— Нет, это не я. Это твой любимый братик. Тревожным стал.

— Грин! — Поля зарыдала и бросилась собирать обломки.

— Я никого не люблю. А ты любишь, верно? Ты любишь Полечку. Посмотри, что ты сделал, — медленно проговорила Галя. — Убирайся. И да, можешь считать, мы заключили договор. Про глюки. Один день — один пластырь.

Она помолчала.

— Поль, это уже не собрать, брось. А знаешь, Женя, пластырей на всю жизнь не хватит...

Грин молча развернулся и тихо закрыл за собой дверь. Всё получилось, но он не чувствовал себя победителем. Будто он предал Полю ради этой сделки. «Ну и ладно, — думал он, возвращаясь к себе. — На войне как на войне, Поля простит».

49/ ГАЛЯ

Теперь он будет думать, что я совсем чокнутая. Ну и пусть думает. Мне так хочется смотреть кино, как раньше. А взять его нигде. Кто-то смотрит кино, а кто-то живёт реальной жизнью. В каком-то фильме герой говорит что-то вроде: «Я бы покончил жизнь самоубийством, но у меня столько проблем, что так их не решить».

Ни бабушка, ни Вера не ждали письма, тем более бумажного. Такие письма уже много лет никто не отправлял и не получал. Зачем, когда есть быстрый обмен электронными сообщениями? Бумажная почта ещё пересылалась, когда Верина мама была маленькой, хотя особой необходимости в ней не было уже тогда. Людям казалось романтичным отправлять открытки из путешествий, но потом стало ясно, что содержать по всей стране тысячи специальных контор ради этой блажи экономически нецелесообразно, и отделения почты закрыли. И всё же Вера получила запечатанный бумажный конверт на прогулке. Передал его седой охранник, который долго мялся, оглядываясь по сторонам и просил никому не говорить о том, что он нарушил правила. Вере не терпелось вернуться домой, чтобы вскрыть конверт. Письмо точно было не от Грина — ведь он мог передать всё что угодно через дырку в стене. Может, кто-то из подруг? Или?.. Было страшно даже думать об этом, потому что... Вдруг это всё же отец?

Как только защёлкнулась дверь, Вера начала рвать конверт.

— Не так! Ты же сейчас порвёшь всё внутри! — бабушка, не снимая уличной обуви, прошла на кухню, взяла зубчатый нож и аккуратно разрежала конверт с одной стороны.

— Можно я?

— Да, думаю, это тебе.

На небольшом, свёрнутом в четыре раза листе бумаги корявым почерком человека, давно отвыкшего от чернил, было выведено:

«Я заберу тебя, будь готова. Веду переговоры».

Не было ни подписи, ни обращения, но Вера поняла, что это ей от папы. И поняла, что он не мог подписаться или как-то иначе обозначить себя в письме. Но в этом предложении было всё, о чём боялась даже мечтать Вера: он любил её, думал о ней, следил за её судьбой. И он хотел увезти её к себе.

— Он заберёт тебя? — бабушкин голос звучал глухо.

— Да, — растерянно проговорила Вера. Ей вдруг стало стыдно, что она так легко готова расстаться с бабу, оставить её здесь или даже там, куда бабушку отправят после суда. И ещё стыдно, что она так обрадовалась весточке от отца, который бросил её.

— Это хорошо, сейчас самое время, — бабушка улыбнулась.

— Бабуля, он заберёт нас обеих!

— Он так написал?

— Нет, но это же и так понятно!

— Нет, Верочка. Это невозможно. Ты здесь случайно оказалась, взаперти, а я...

— Но ты ведь тоже случайно! Надо выбираться!

— Не надо геройствовать, мне уже много лет, а тебе жить. Не думаю, что меня отпустят. Если бы я могла — сама бы отправила тебя отсюда. Дети должны жить лучше родителей, иначе зачем их вообще рожать?

— Как же ты?

— Не волнуйся! У меня были разные времена, я была счастлива. И детство у меня было чудесное, и в твоём возрасте я не была заперта со старой бабкой с опухшими ногами, без родителей, без друзей. Я была свободна, Верочка.

— Бабуля! Никакая ты не старая бабка, — Вера крепко обняла бабушку, но мыслями была уже далеко, там, у моря, с папой. И с Грином.

50/ ВЕРА

Море. Я помню его. Папа выбрал жизнь у моря, оно было холодное, серое, и всё же хорошо, что он тогда показал мне его. Сейчас всё иначе. Сейчас лето, там тепло, солнечно, ярко. Там люди, с которыми можно говорить, оттуда я смогу позвонить подругам, я смогу выходить из дома в любое время. Грин столько раз говорил о море так, как будто оно спасает от всего на свете! Бабушка останется здесь, охрана — останется здесь, и Грин. Грин? Он хотел сбежать вместе. Но он ничего не придумал. Смогу я взять его с собой? Смогу я уехать, если взять с собой Грина никак не получится? Не хочу об этом думать.

Утро теперь начиналось с передачи пластыря. Вера аккуратно заворачивала каждый в цветную бумажку — ей казалось, что так это выглядит лучше. Вроде милого подарка в знак приятельского расположения. Грин передавал подношение Гале, покупая очередной поздний вечер с Верой.

Заканчивали пластилиновое строительство. Грин давно решил, что город должен стоять на Верином подоконнике. Готовые элементы он передавал Вере, а она укрепляла их на указанные в плане места.

По утрам солнце пробивалось из-под вертикальных жалюзи и заливало город лучами-полосками. Вере нравилось разглядывать крепость, площади, высокую ратушу, малоэтажные домики — все разные — и крошечных жителей.

Город, придуманный Грином, никогда не существовал, однако что-то похожее можно было встретить на старых картинах и гравюрах из школьных архивов. Что-то они видели в музеях, что-то просто брали из головы. Когда мама Веры была маленькой, в школах ещё преподавали историю. На таком уроке рассказывали, как раньше жили люди, как было устроено общество, говорили о войнах, даже запоминали даты. К тому времени, как родились Вера и Грин, уроки истории отменили, потому что доказали: вполне достаточно знания о прошлом, которое человек получает из визуальных источников. Бессмысленно учить даты и разбираться в том, что было давно и никогда не повторится. К тому же истории о войне плохо действуют на неокрепшую детскую психику, а попытки вникнуть в судьбы давно умерших людей могут привести к психическим заболеваниям. Гораздо полезнее оказалось

развивать воображение по картинкам: разглядывая то или иное изображение, человек приучался делать собственные выводы, а значит, такие уроки гораздо лучше развивали самостоятельное мышление.

Сейчас, рассматривая придуманный старинный город, Вера полностью соглашалась с психотренерами и разработчиками школьной программы. Каждый день она могла придумывать новые и новые истории, не учитывая никаких фактов, не привязываясь ко времени.

51/ ГАЛЯ

Может, и правда обклеиться этими проклятыми пластырями и уплыть? Слушаю музыку на повторе. И без пластырей уплываю. Я всё ещё там, с Виком. Я нравлюсь себе в роли злодейки, по крайней мере, гораздо больше, чем в роли добренькой неудачницы. Когда ощущается горечь — заталкиваю её поглубже. Остался какой-то детский максимализм. Сложно с компромиссами. Острое, болезненное ощущение предательства — во всём.

Пора заканчивать. То есть совсем. Я только травлю себя этими идиотскими записями. И я совсем одна со всеми своими злыми мыслями, книжками, песнями и фильмами, которые нельзя смотреть, а можно только вспоминать. Никто не смотрит кино. Только Вик смотрел.

Вик. Почему-то мне очень хотелось ему довериться. Он видел меня слабой, запла-

канной, смешной, глупой. Очень сложно принять, что это была только моя история. Что для него это такая штатная, рядовая ситуация. Что ему было всё равно.

— Верочка!

— Я тут.

— Ну и жарыща. У нас кондей не справляется.

— А у нас в кухне окна на две стороны — проветриваемся. Так дует — даже холодно.

— Везёт.

— Как там Галя?

— Как она может быть? Она теперь вообще из комнаты не выходит. Даже еду в постель тащит. У нас много ещё осталось?

— Девятнадцать штук.

— Что потом будем делать?

— Потом может и не наступить.

— Опять ты со своим пессимизмом. Наступит! Вот я что думаю... Надо всё-таки бежать отсюда. У меня план почти готов. Главное — с охраной договориться. И террамобиль достать.

— Террамобиль стоит целое состояние!

— Это да. Последняя разработка. Ведь классная штука! Зарываешься в землю и едешь куда хочешь! Никаких тебе пробок! Только нужно план туннелей заранее изучить, а то с непривычки можно заблудиться. И вперёд... Хочешь — в другой город, а хочешь — на море. Вот я на море хочу. Поедем?

Вера не ответила. Она знала, что рано или поздно надо сказать. Но не сейчас. Сейчас неудачный момент. Лучше завтра. Или послезавтра. Нужно только придумать, как сказать.

— Вер! Ну не хандри! Что-то придумаем! Просто пока не было удачного случая.

— Ну да.

— Дай руку! Мне кажется, если мы возьмёмся за руки, решение придёт само. Ну не бывает совсем безвыходных ситуаций.

Вера просунула руку в отверстие в стене. Грин крепко сжал её в своих сильных тёплых ладонях.

— Как думаешь, если бы мы просто так встретились, ну, на свободе... Мы бы встречались? Как парень и девушка?

— Мы бы вряд ли познакомились, — улыбнулась Вера.

— В этом смысле нам даже повезло. Нет, я серьёзно! Кажется, вся эта история с арестами только для того и нужна была, чтобы мы с тобой узнали друг друга.

— Думаешь, остальные тоже ради этого сидят? — Вера тихо хихикнула.

— Ну а вдруг да? Знаешь, когда меня Галка спросила про нас, я растерялся. Она думает, у нас роман. А ты как думаешь?

Вера покраснела и широко улыбнулась. Потом закусил губу и стала разглядывать обкусанные ногти на свободной руке.

— Грин, ты мне нравишься. Очень. Я тебе говорила уже.

— Я же толстый!

— Никакой ты не толстый, что за бред!

— Так Галя говорит.

- А ты не слушай Галю, вот я тебе говорю, ты красивый!
- Красивый, но всё-таки немного толстый.
- Не смейся надо мной!
- Я над собой смеюсь.

52/ БЕРА

Прошло уже три недели с того дня, как я получила письмо. Ничего не происходит. Может, ему не удалось? Ничего не будет, никакого побега? Я так и останусь здесь? Всё, что ни делается, — к лучшему. Если отец не заберёт меня, останется Грин. Я уже не помню, как это — без него. И бабушка со мной. Всё не так плохо. Когда-нибудь всё это закончится и мы будем свободны. А захочет ли Грин быть со мной — на свободе? Сейчас есть только я — здесь, за стенкой. Мало ли девчонок моего возраста ходит по улицам? Красивее, стройнее, веселее, с аккуратными ногтями? Похоже, сейчас для него я единственная девушка, потому что я просто здесь одна. А потом что? Стоп. Зачем я это делаю? Гораздо проще оставить человека, если он тебя чем-то обидел. Но Грин не обижал! И я не могу знать, что там будет после, потому что никто не может знать.

53/ ГАЛЯ

Мерзкое такое чувство. Какая же я дрянь! У них любовь, а я такая злобная гадина. Хочется подойти и сказать, что не нужны мне

пластыри, ничего не нужно. Что я просто сорвалась, что я боюсь за него, за Грина... Не могу. Просто не могу. Я думала — такая я независимая и мне всё равно, что обо мне подумают. Только это неправда, что мне всё равно. Гадиной быть проще, от такой, как я, ничего не ждут, ничего хорошего. Да пошли они все. Не буду об этом думать.

54/ БЕРА

Завтра утром. В три часа. Я не ослышалась? Да нет. Считай, сегодня, если не ложиться. Я не успею подготовиться. Спокойно. Вещи собирать не нужно, только одеться и ждать. Обед, вечер, ночь. Просто ждать. Так и не решилась сказать. Я не предупредила Грина, нет никакого плана! Столько времени было — и ничего не придумали. Да как можно было придумать, если он ничего не знал?! Как он весело подмигнул мне на прогулке! Беззаботно! Последний шанс сказать — сегодня вечером. Как же страшно! А что, если он захочет бежать со мной? Я бы этого хотела! Ох как хотела бы! Но как? Его просто не выпустят! А если расширить отверстие в стене, чтобы Грин мог протиснуться в нашу квартиру? Уже нет времени, да и звук ломаемой стены точно услышат. И бабушка, если не сможет уйти с нами, — что с ней сделают, когда увидят разломанную стену?

И тогда уже вообще ничего не будет. Ни для кого! Надо успокоиться. Я спасу его потом. Когда буду в безопасности. Я что-то придумаю. Или папа придумает, ведь придумал же он, как вытащить меня! Значит, это возможно!

Заболела голова. Вера достала готовый обед, отнесла бабушке её порцию. С тех пор как необходимость в приготовлении еды отпала, они больше не обедали за одним столом. Как-то всё это стало не нужно. Вернувшись на кухню, она долго сидела перед своей тарелкой, разглядывая рисунки на скатерти. За окном темнело. Сегодня. Сегодня вечером она всё скажет. Они вместе найдут способ оставаться на связи, когда она будет далеко, до тех пор, пока весь этот кошмар не кончится, или до тех пор, пока она не придумает, как увезти отсюда Грина. Грина и бабу.

Есть не хотелось, Вера зашла в свою комнату и взглянула на карту города, которой теперь завешена была дыра в стене. Карта пошевелилась. Никакого условного стука, только лёгкий шорох. Вера задержала дыхание. «Галя? Только не сегодня! Не сейчас!» Шорох никуда не делся. Будто кто-то водил ногтем по карте с той стороны, со стороны Грина.

Вера быстро осмотрела комнату в поисках чего-то, чем можно закрыть их с Грином стену. Мебель по большей части была из пластика, разработкой которого так гордилась химическая промышленность. Крепкий, но лёгкий. Такое

не годится. Остался только один старый книжный шкаф, деревянный, ещё из бабушкиного детства. Много раз от него собирались избавиться, и всё руки не доходили. Теперь пригодится.

В груди закололо. Вера напоминала себе, как дышать. Маленькими глотками забирать воздух. Она действовала уверенно и тихо. Продышалась, подоткнула под ножки дивана свои носки и легко отодвинула диван от стены. Оставалось придвинуть на его место шкаф. Вера освободила шкаф от книг, складывая их высокими стопками на полу, затем попробовала приподнять, чтобы использовать всё те же носки, но не тут-то было. Старый шкаф не хотел покидать привычное место. Со скрипом раскрылись дверцы. Вера связала их верёвкой. Она двигала шкаф по миллиметру, делая перерывы для отдыха, пока за стеной не раздался незнакомый стук. Сердце снова заколотилось.

«Нет, не сейчас, не сейчас», — думала она, продолжая изо всех сил нажимать на шкаф. Закружилась голова, Вера покачнулась и схватилась рукой за подоконник. Что-то мягкое и липкое оказалось утопленным под ладонью. Пластелин! Она в ужасе отдернула руку и всмотрелась в глубокий отпечаток, вдавленный в самое сердце города. «Ничего, потом восстановлю». Она вернулась к делу, на подоконник старалась не смотреть.

Наконец шкаф удалось придвинуть к самой стене. Толстая деревянная стенка встала вплотную к отверстию. Щёки горели, лицо и спина намокли от пота. «Вот и всё», — с отчаянным облегчением подумала Вера. Она больше не слышала стука. Или тот, кто был за стеной,

решил, что она уснула, или шкаф был достаточно плотным, чтобы не пропускать звуков.

В проёме двери показалась бабушка.

— Почему ты не спишь? Зачем двигаешь мебель?

— Бабу, это сегодня, — прошептала Вера. — Скоро.

Бабушка ничего не сказала, только подошла к Вере и крепко прижала её к себе.

55/ ВЕРА

Спать ложиться опасно — можно пропустить стук в дверь. Я умылась, переоделась в удобное серое платье и просто сижу в прихожей, у самой двери. Бабу тоже не ложилась. Она начала было собирать мои вещи в сумку, я молчала, но она сама поняла, что ничего не нужно, и оставила раскрытую сумку посреди комнаты. Она всё ходит и хватается то за одно, то за другое. Переставляет книги на полках. Никогда ещё время в этой квартире не тянулось так медленно, как в эту ночь. Я заходила в комнату и прислушивалась, но там тихо. Даже если бы мы смогли сегодня поговорить... У него нет плана, никакого! Одна болтовня! И если бы он мог в самом деле уехать к морю, даже без меня, вот прямо сейчас уехать, он поступил бы так же. Зачем вообще об этом думать? Я ведь решила, что обязательно помогу ему выбраться. И у меня есть хоть какой-то план! Надо оставить записку, только как её теперь передашь?

Это было давно. Очень давно. Воспоминания плывут перед глазами отдельными кадрами, как фотографии. Немного размытые, но всё ещё очень яркие. Тогда мама и отец были совсем другими. Мама — лёгкая, с покрасневшей на солнце горячей кожей. Папа — большой, красивый, улыбчивый. Длинные прямые волосы падали на лицо, он откидывал пряди ладонью, и на лбу виднелись крупинки соли. И всё вокруг было зелёное, миллион оттенков зелёного цвета, крупные и мелкие листья, подсвеченные солнцем, и длинные мягкие иглы каких-то сосновых деревьев, и водоросли, таинственные, тёмные, колышущиеся на глубине возле огромных камней. А ещё всё было солёное. Крупные и мелкие камешки, руки, волосы, вся одежда. Печальная Галка забиралась на какой-нибудь валун вместе с полотенцем и книгой. Иногда она отрывалась от чтения и глядела вдаль, где плавали маленькими белыми точками лодки.

Папа строил высокие башни, подбирая для них самые большие и плоские камни, а я разрушал их, доставая самый нижний. Когда солнце совсем припекало, прятались в тени деревьев. И никогда не носили с собой часов, потому что время тогда не измерялось минутами, только глотками, охапками, какими-то

крупными кусками счастья. Время бежало вместе с солнцем, дни летели так быстро, что никто не успевал глядеть на часы. Всё было живое там — мама, папа, Галка, огромные муравьи, крабы, ящерки, даже улитки и морские ежи передвигались в своём ритме.

Если бы можно было загадать одно желание, только одно, я хотел бы вернуться к морю. Чтобы все мы снова ожили и чтобы Вера была там с нами. Вера, которая не любит море. Глупости! Она просто никогда не была у моря со мной.

Террамобиль, последняя новинка автопрома, стоял во дворе дома. Охранник молча проводил Веру до машины и постучал в крышу. Раздвинулись двери, в темноте показалась папина рука. Вера помедлила секунду и нырнула на сиденье. Дверцы бесшумно сошлись, машина ввинтилась в трубу.

— Привет! Я тебе рад, — улыбнулся отец.

— Ты сам за мной приехал! Я думала, кого-то пошлешь!

— Кого тут пошлешь? Вообще, это противозаконно всё.

— А если меня хватаются?

— Не хватаются. Я договорился.

— А как?

— Знаешь, всегда можно договориться, главное — знать с кем.

— Ну ты! — восхищённо прошептала Вера. — Я думала, ты совсем забыл обо мне!

— Ты же моя дочь единственная! — отец снова улыбнулся, а Вера разглядывала его, узнавая позабытый запах и это ощущение семьи, такое тёплое... Папина кожа была тёмной от загара, круглое лицо заросло короткой бородой, местами с проседью. Волосы — седые, волнистые — торчали во все стороны. Он, казалось, здорово поправился, но был таким же сильным и красивым, каким Вера его помнила.

— Что, постарел? — спросил отец, не отрывая взгляда от экрана с маячком.

— Нет! Просто соскучилась!

— Я тебя потом разгляжу! Сейчас нужно за туннелем следить.

— Пап, твоя жена... Лина. Она не против, чтобы я к вам? То есть она же меня совсем не знает!

— Вообще, это её была идея — тебя забрать!

Что-то заболело в Вериной груди. Она начала судорожно грызть ноготь на большом пальце. Как же так? Получается, папа не хотел брать её к себе? И почему эта чужая женщина...

— Почему? — вслух повторила Вера.

— Это долгая история. Если коротко, она болеет. Ну и... Она старше меня, ты же знаешь.

— И что?

— Ну, детей у нас не будет уже, — пожал плечами отец.

— А тебе? Тебе я нужна?

— Ну конечно, нужна! Что за глупый вопрос! Ты совсем как маленькая!

Он проговорил это раздражённо, будто отмахиваясь от надоедливых детских расспросов.

Всё это не так важно, думала Вера. Пусть он даже не любит меня. Там я буду свободна идти туда, куда захочу. Там я буду в безопасности.

— А что будет с ними?

— С кем?

— С бабушкой, с теми, кто под арестом?

— Потому я тебя так скоро и забрал, — сосредоточенно ответил отец, — там какая-то мутная история. Если они виновны — осудят. Отправят на общественные работы, ну, ты понимаешь.

— Так они невиновны! Это всё случайно вышло! Так уже было! Система выписывала бабушке штрафы за нарушение дорожной разметки, а она даже водить не умеет! Или записывалась она к хирургу, а принимал психотренер. А как-то в нашем квартале начали сносить только что построенный дом! Просто потому что его по ошибке в систему занесли. И такие ошибки...

— Ну это как знать, — перебил отец. — Все в курсе, что в системе многое недокручено, но... Ты телешоу смотришь? Там всё очень убедительно. Факты говорят против них. Про тебя-то я знаю, у тебя и паспорта нет, и счёта своего.

— Ну ты же не думаешь, что бабушка могла...

— Знаешь, сейчас никому верить нельзя. Кто знает... Вдруг ей захотелось на старости лет гульнуть? Глюки недорого стоят...

— Но бабушка ими не пользовалась! Ей прописали, бесплатно выдавали, а она даже упаковки не распечатала! — закричала Вера.

— Ты тише, тут, конечно, никто не услышит, но вообще привыкай к тишине. У нас там, знаешь, тихо. И Лина

шума не любит. Когда у моря долго живёшь, резкие звуки пугать начинают. У нас благодать такая... Ну, ты сама всё увидишь, — отец повернулся к Вере и добродушно подмигнул. — Вот увидишь всё, и тебе понравится.

— Я же видела уже.

— Ты зимой была, а сейчас лето! Купаться можно, яблок полно! Красота!

— Пап, — прошептала Вера.

— Ну что?

— А можно ещё одного человека к нам забрать? Ну или нескольких, а? Ты ведь сказал, договориться можно всегда.

— Верочка, не стоит испытывать судьбу, один раз получится — не факт, что во второй сойдёт с рук. Шутки с законом — плохие шутки.

— У меня там друзья остались.

— Ерунда, — отрезал отец. — Эти детские друзья — они, знаешь, остаются в детстве. А ты выросла уже. Знаешь, сколько у меня друзей было? И от них только проблемы одни! Друзья — наши худшие враги, так и знай. Твоей жизненной силой питаются. Ты просто ещё малышка, вырастешь — поймёшь, а сейчас поверь мне на слово.

Вера замолчала.

— У тебя возраст такой — влюбчивый, — продолжал отец. — Все тебе кажутся — на всю жизнь! А жизнь длинная. Ты когда летнее море увидишь — про всех этих своих друзей забудешь!

Вера чувствовала, как поднимается, растёт бешенство. «Что, если остаться? Повернуть назад, если ещё не поздно. Но что там? Осудят ведь! Кто поверит им, если даже

отец и тот думает, что бабушка своровала деньги?! Надо успокоиться».

— Считаю меня циником, но оставаться на тонущем судне — большая глупость, а моя дочь — девочка разумная. К тому же сначала надо самой спастись, а потом уже и других спасать, верно? Кто знает, какие опасности подстерегали бы тебя там, ну, если бы ты там осталась!

Вера поёжилась — вспомнился врач и то, как он нагло её разглядывал. «Сначала спастись самой, а потом уже... Пакет! Пакет с дневником и интеркубиком! Ох! Я всё время держала его в руках! Остался в прихожей? Или выронила по дороге? Это же единственное, что обязательно нужно было взять с собой! Дырявая голова! Всё, спокойно. Ничего из этого мне больше не нужно. Невелика потеря. Пусть остаётся».

— Я должна хотя бы передать записку...

— Вера, сейчас это точно невозможно. Мы обязательно всё обсудим, когда доберёмся. И с запиской что-то придумаем.

— Ты обещаешь?

— В наше время трудно что-то обещать. Но я обещаю, что мы обсудим.

От этого обещания, пусть и не самого убедительного, стало легче. И чем дальше уезжали от старого дома, тем больше Вера думала о том, каким будет море, и тем меньше старалась думать о забытом дневнике, бабу и о тех, кто остался там, за стеной.

Галя так много времени проводила в постели, что ночью никак не могла уснуть. Она не уставала, не от чего было уставать. Даже завидовала Грину, который изматывал себя упражнениями. Братец всегда найдёт способ, всегда выкрутится. Вот и спит отлично. Наболтается со своей подружкой и спит. Отлично устроился. И ни до кого ему больше дела нет.

Галя сидела с ногами на широком подоконнике, высунав плечо наружу. Вспомнилась эта пианистка, которая жила этажом выше. Как она из окна вылетела. Никакого шума не было. Никто не кричал, ни врачей, ни хранителей спокойствия, просто охранники у подъезда забрали и потащили куда-то. И уже через минуту назад вернулись. Видимо, увезли на террамобиле. Гале часто тоже хотелось попробовать полетать. Жалко, всего раз можно. Там, за краем, вряд ли есть что-то получше. А тут, даже если не осудят, — что дальше-то? Как мать с отцом? Живые мертвецы, никому не нужные, крепкие ещё, а как старики. За жизнь держатся, только поесть, больше ничего не надо. Только воспоминания, которые всё больше похожи на фантазии, только тоска.

У подъезда что-то зашевелилось. Галя осторожно высунула голову в окно. С лестницы сошли двое — громоздкая фигура, видимо охрана, и маленькая, тонкая, смутно знакомая. Из темноты показался луч света — открылась дверь террамобиле. В этом луче Галя разглядела девочку из соседней квартиры — ту самую, подружку Грина! Девочка пропала, двери закрылись, свет погас, раздалось едва слышное рычание. И всё стихло.

— Глупый братец, — прошептала Галя, слезла с подоконника и прикрыла окно.

Третий день Вера не отзывается на стук. С того самого вечера, когда я обнаружил Польку с фломастерами у нашей стены. Может быть, Вера испугалась непонятного шума? Подолгу лежу, прислушиваясь к звукам. Еле слышатся вдали музыкальные заставки телешоу, но нет ничего, что относилось бы к ней. Пробовал нашёптывать стихи — никакой реакции. Вначале боялся, что Галя потребует очередной пластырь, а взять негде. Но она молчит и ни о чём не спрашивает. Думаю, с Верой что-то случилось. Смотрю все телешоу, нужно же узнать. Может, есть новости, есть новые осуждённые, или, может, кого-то выпустили? Но Вера бы обязательно оставила записку, какой-то знак подала. А может, не успела. Или, может, этот проклятый врач добрался до неё?

Наконец Грин решил снять картонку, чтобы заглянуть в комнату. Он осторожно просунул руку — пальцы упёрлись во что-то твёрдое. Грин посветил фонарём — тёмное дерево. Откуда? Бабушка всё узнала и заставила Веру заделать отверстие? Грин взял нож и попробовал проковырять дырку. Ничего не получалось. То, что было за стеной, не поддавалось.

Вера, что с тобой? Куда ты пропала? Ни о чём другом не могу думать. Прошло почти две недели. Я не вижу тебя на прогулке, и бабушки твоей нет. Поля сердится, что я стал грустным и почти не играю с ней. А когда играю, забываю правила, которые сам же придумывал когда-то. Вера! Я опять стал обычным! Таким, каким был до тебя. Мне кажется, какая-то часть меня может существовать, только когда ты рядом. Всё лучшее, всё самое интересное во мне! Это я виноват! Что-то случилось, потому что я не придумал ничего, что могло бы сработать! Вместо того чтобы фантазировать о побеге и о море, кому нужно это море?! Теперь во всём этом нет никакого смысла. Мне страшно, что ты превратишься в моего воображаемого друга. Или тебя никогда и не было?

Взрыв прогремел во время прогулки. Никто так и не узнал, подорвал ли дом кто-то из арестованных жильцов, или хранители спокойствия решили разом избавиться от хлопот, или строители начали работу раньше срока, не имея понятия о том, что дом не расселён. Старый дом не сложился книжкой, как это происходило с постройками последних лет, подлежащими сносу и переустройству. В нескольких местах образовались проломы и посыпались кирпичи,

провалилась крыша, но каркас стоял. Испуганные жители, из тех, что гуляли в парке, в ужасе смотрели на обваливающиеся квартиры и битые окна, не осмеливаясь бежать и спасать вещи. Грин стоял как вкопанный, глядя в окна Вериной квартиры. Охранники растерянно оглядывались по сторонам, несколько человек направились к дому и стали спешно эвакуировать уцелевших жильцов. Брошенные на прогулке арестованные бежать не пытались. Все они собрались вокруг дома.

В дверях показался охранник, он вёл под руку Верину бабушку. Она была в халате и всё оборачивалась назад.

Грин забыл о запрете на разговоры и бросился к ней:

— Она там? Она жива?

— Кто? Кто вы? — бабушка будто видела его впервые, наверняка раньше она и не замечала его на прогулке. Грин взлетел вверх по ступеням, никто не остановил его. Кругом было шумно, пыльно, кое-где появлялись и исчезали огоньки пламени. Дверь в квартиру Веры открыта. Он вбежал внутрь и кинулся к комнате. Здесь как будто не было никакого взрыва. Вещи лежали на своих местах. Окно целёхонько. Только стену, разделявшую их квартиры, почти полностью уничтожило взрывом. Толстые кирпичи рассыпались по полу, а на диван повалился массивный шкаф тёмного дерева.

«Пожалуйста, только бы она была жива, только бы жива». Грин попытался приподнять шкаф, машина не поддавалась, он попробовал ещё и ещё. «Кому нужны эти мышцы, если ничего они не могут?» Грин тяжело дышал и пробовал снова, снова...

— Женя!

Он обернулся. У двери замерла Галя. На разговоры не было времени, Грин продолжал по миллиметру сдвигать шкаф, наконец обернулся снова.

— Помоги! Пожалуйста! Помоги мне поднять! Ну что ты стоишь, Галка! Галя! Проси чего хочешь, помоги только!

— Жень, оставь это, оставь, к чёрту это всё!

Грин бросился на неё с кулаками, Галя вдруг крепко обняла его, не давая драться.

— Её здесь нет, Жень. Сбежала она. Давно ещё.

— Откуда ты...

— Я видела. Так получилось, — голос сестры звучал непривычно мягко. В нём не было обычного злорадства, не было ненависти.

— Ты всё врёшь! Она бы сказала! — Галя продолжала крепко держать брата, а он всё пытался её оттолкнуть. Вдруг из-под своих спутанных, мокрых от пота волос он увидел. Подоконник. Смятый, разрушенный город.

— Женька, не стоит она того.

— Пусти!

Он вернулся к шкафу и принялся пинать его ногами, разрушать, отламывать доски и отбрасывать в сторону.

— Я помогу, — Галя говорила серьёзно и впрямь начала помогать растаскивать шкаф. Кроме книг и пустой постели, под ним ничего не было. Галя села на пол, взяла в руки первую попавшуюся тетрадь и открыла на странице с закладкой.

Ключи — от королевства!

Есть в королевстве область,

А в области есть город,

А в городе — квартал...

— Стихи, — сказала она. — Смотри, тут дальше... Похоже, дневник. Слушай: «Как же тянется время! Тоска! Ничего не говорят о сроках! У времени нет границ. Как будто тебе дали вечность, пустую вечность. Заполняй время. Бабушка говорит: "Пиши дневник". А о чём писать, если ничего не...»

— Закрой! Закрой сейчас же!

— А если она оставила его тебе? Вдруг там какое-то объяснение или...

— Не нужно.

Грин побрёл к подоконнику и тронул один из уцелевших пластилиновых домиков.

— Это ведь твоё, да?

— Тебе какое дело? Пластыри нужны? Здесь они, в аптечке, на кухне.

— Не надо, я не клеила их. Так, над тобой хотелось поиздеваться.

— За что?

— Не знаю. Ты не любишь меня.

— Это ты никого не любишь!

— Глупое это — любовь. Все признаются друг другу, обнимаются, болтают ночами. А потом уходят и не возвращаются. Когда появляется кто-то лучше. Или им кажется, что это лучше. Или ещё хуже — никуда не уходят, потому что боятся уйти. Боятся, что тем, которые лучше, они не нужны. Живут вместе и ненавидят друг друга. Как отец с матерью. Как... Есть у меня один такой знакомый.

Грин молча посмотрел ей в глаза и не выдержал взгляда. Что-то затрещало, и по стене поползла трещина.

— Жень, давай уходить отсюда.

— Прости меня, Галка. Что дальше будет?

— Не знаю. Ты тоже прости.

Они молча стояли у окна, не глядя друг на друга.

Вдруг Галка улыбнулась какой-то детской, задорной улыбкой и наморщила нос.

— Слушай, починим мы твой город. Хватай его и давай выбираться, а то обрушится всё к чёрту! Давай беречь то, что есть. Пока есть хоть что-то. Полька там ревет, наверно, боится за тебя. Жень, я тоже за тебя боюсь. Вообще-то у меня никого, кроме тебя, нет. Вот.

— Пошли. Только дневник оставь. Не хочу. Галка!

— Что?

— Спасибо.

Небольшой модульный дом отца стоит на возвышении — прямо над морем. От дома к побережью спускается каменная лестница. Свой собственный выход на пляж! У самого моря — запертая калитка с табличкой: «Частные владения. Доступ закрыт». После стольких месяцев взаперти, с этими долгими скучными прогулками по одному и тому же маршруту, свобода перемещения приводит в восторг.

— Я пойду прогуляюсь?

— Конечно, — Лина приветлива, всё разрешает, хочет понравиться.

Вера выходит за ворота и быстрыми шагами движется вперёд по пустой улице. По сторонам — такие же ворота, за воротами густо растут деревья и мелькают новенькие модульные дома. Вера идёт и идёт, не замечая времени. Так можно идти час, два, три, никто не остановит. Никто

не идёт следом. Жарко, но солнце плотно скрыто за облаками, и лёгкий ветер позволяет не делать остановок, чтобы отдышаться. Улица продолжается и продолжается, и вот уже поворот к общедоступному пляжу. Ни магазинов, ни аптек, всё здесь покупают с доставкой на дом. Развлекательных центров нет, никаких памятников. Весь город — одна улица.

Город заканчивается, впереди скоростная автострада без обочин. Дальше идти нельзя, и Вера сворачивает к пляжу. Серое море упирается в голубой горизонт. Небо висит низко, вдали — очертания островов. Вера не останавливается, она решает вернуться домой по пляжу. Идёт по мелкому гравию, не сбавляя шага. Волны промочили босоножки, идти скользко, но Вера не решается продолжить путь босиком. Мелкие камни сменяются крупными, потом начинаются валуны, слоистые чёрные куски скал, по которым приходится широко шагать или даже карабкаться. Устала. Возвращаться назад и идти по дороге? Слишком далеко она зашла. А отсюда на дорогу просто так не выйти: справа череда модульных домов за решёткой, у каждого — своя лестница и своя калитка. «Частные владения. Доступ закрыт». Вера идёт от одной калитки до другой. Вдруг будет промежуток, проход между домами? Ничего. Доступ закрыт. Камни становятся всё больше, а море — всё ближе к решёткам. Теперь приходится карабкаться, хватаясь руками. Влажный камень, покрытый какой-то морской травой. Она поскальзывается и ранит палец. Больно, больно до слёз.

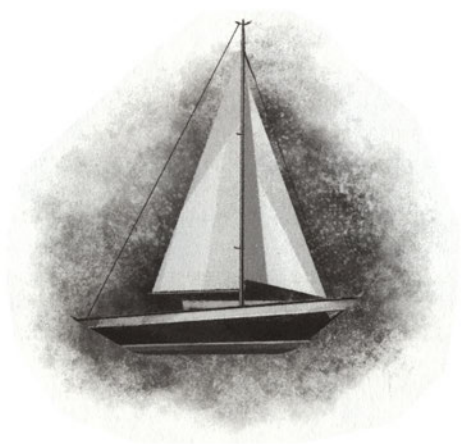
Вот ещё калитка — они что, все закрыты? Как выбрать-ся отсюда? Ни одного человека. Никого. Надо всё же

повернуть назад. Что, если дальше будет такая скала, через которую не перебраться? «Я не умею плавать», — думает Вера. Она оглядывается — слишком далеко ушла. Надо двигаться вперёд. Ладони болят от шершавых камней, за которые приходится хвататься почти всё время. Пот стекает по спине. Темнеет. Все калитки заперты. В голове звучат знакомые стихи:

Букет — в корзинке старой,
Корзинка — на кровати,
Кровать — в тихой спальне,
А спальня — в милом доме,
Который во дворе,
В укромном переулке,
Что к улице прижался,
По городу бегущей,
А город входит в область
Большого королевства.
Вот от него ключи!
Ты спрячь их и молчи!

Она нащупывает в кармане ключ от отцовской калитки. За что Грин так любит море? Серое, скучное, одинаковое, с этими проклятыми камнями. Вера спотыкается и падает. Ничего, терпимо. Она идёт дальше. Сколько она прошла? Где её калитка? Что, если она уже пропустила её? Вера достаёт телефон и включает навигацию. Что я, как дура, иду вслепую? Она вбивает в строку поиска адрес. Где-то здесь. Ещё два километра. Нужная калитка — вот, на месте, разумеется. Вера поворачивает ключ в замке, садится на нижней ступеньке лестницы. Куда-то пропадает воздух, давит небо, сдвигаются скалы. Как тогда, в ванной.

Кто-то должен войти, открыть дверь или вынести к окну. Но она уже здесь. Нет никаких стен, это всё... Мамины руки, прохладные руки на горячих щеках. Просто надо успокоиться. Медленно вдохнуть, выдохнуть. Поговорить с отцом. Что-то придумать.

ОТ АВТОРА

Вы спросите: «Это всё? Как же автор мог бросить Веру в такой непростой момент её жизни?»

Дело в том, что сейчас, когда Вера сидит на ступеньках перед домом отца, сжимая в руках ключи, она уже приняла решение. И я очень верю в неё. У моей героини есть время, и она обязательно что-то придумает. Потому что самое сложное — это сделать честный выбор, перестать обманывать себя, решить, что для тебя по-настоящему важно. Дальше всё становится гораздо проще. С этого момента тебе больше не нужен автор. Ты всё можешь сам.

КЛЮЧИ ОТ КОРОЛЕВСТВА

Ключи — от королевства!
Есть в королевстве область,
А в области есть город,
А в городе — квартал.
В нём — улица с укромным,
Уютным переулком,
А в переулке — дворик,
И домик — во дворе.
А в доме этом — спальня,
Где у окна — кроватька,
На ней стоит корзинка
С букетом полевым!

Букет — в корзинке старой,
Корзинка — на кровати,
Кроватька — в тихой спальне,
А спальня — в милом доме,
Который во дворе,
В укромном переулке,
Что к улице прижался,
По городу бегущей,
А город входит в область
Большого королевства.
Вот от него ключи!
Ты спрячь их и молчи!

*Английское народное стихотворение
Перевод Анастасии Строкиной*

Литературно-художественное издание
Для среднего и старшего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону № 436-ФЗ: 12+

РЕМЕЗ СОФЬЯ ОСКАРОВНА

ТИХИЕ ИГРЫ

Художник Татьяна Перова

*Перевод стихотворения «Ключи от королевства»
Анастасии Строкиной*

Генеральный директор Наталья Эйхвальд

Главный редактор Анна Осташевская

Ведущий редактор Ольга Степанянц

Технический редактор Лина Сон

Литературный редактор Татьяна Бобрецова

Художественное оформление и вёрстка Евгения Васильева

Корректоры Евгения Якимова, Зоя Скобелкина

ООО «Издательский дом «Пять четвертей»
115419, Москва, 2-й Рощинский проезд, дом 8, строение 4
fivequarters.publishing@gmail.com

Ищите нас в социальных сетях:

По всем вопросам, связанным с приобретением книг
издательства, обращаться в ТФ «Лабиринт»:
8 (495) 780-00-98; www.labirint.org

Подписано в печать 20.11.2020.
Формат издания 60×90/16 (140×210 мм).
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8
Тираж 4000 экз. Заказ № 2012770.

Произведено в РФ. Дата изготовления 03.12.2020.
Срок годности не ограничен.

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

